Елена Плотникова

Революция

Будьте осторожнее, когда бродите по улицам,
ведь теперь нечисть вас не боится

Елена Плотникова
Революция

https://litres.ru/74754129
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда воцарился Кащей Бессмертный, Боги ополчились против людей. Богатыри, колдуны и ведьмы начали терять свою силу.

Христиана и Варя не знали, кто такой Кащей Бессмертный, близняшкам было по двенадцать лет, когда одну из сестер забрали на обучение в академию Бабы Яги. На службу.

Для сестер - это трагедия. Пока они - дети и думают, что встретятся совсем скоро. Однако это лишь начало их приключений. А долгожданная встреча окажется совсем не такой, какой они себе представляют

Содержание

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ 4
Глава 1. Варвара 4
Глава 2. Христиана 26
Глава 3. Варвара 58
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Елена Плотникова
Революция

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. Варвара

По комнате снова разносится утробное рычание моего голодного живота, его сопровождает боль, давящая изнутри. С кухни доносится запах пирожков с картошкой и зеленью. У меня кружится голова от сливочного запаха и ноток укропа, которые подбираются ко мне из-под дверной щели. Представляю золотистую корку, румяные узоры из теста на шапочке пирожков, как в некоторых местах она потрескалась и можно слизать раскаленную, как угли, картошку. Внутри жжет, а во рту становится то сухо, то мокро, отчего хочется подорваться со стула и мерить комнату шагами.

Мои пальцы ловко снуют между веточек и травинок, собирая их в обрядовый венок. Работа хоть как-то отвлекает от наказания, пока все на улице играют без меня. Успокаивает лишь то, что мои дела куда важнее, чем их бессмысленное баловство. Пока я учусь ворожить, они тупеют.

Я мечтаю стать ведьмой. Об этом знают все в округе и потому мне иногда достается знатная порка от батьки, после которой ягодицы пестрят медово-загорелыми или сливовыми цветами, как повезет. И именно поэтому я сижу голодная и наказанная в нашей с сестрой комнате, пока она веселится. Но это не останавливает меня: я крепко-накрепко решила стать колдуньей, вылечить маму от хромоты и избавить семью от бедности. Наше племя недолюбливает меня за это — ровесники обходят стороной (хотя сами тайно просят погадать) из-за наказа родителей, а во время общих молитв у тотема Святовита, покровителя нашей деревни, на площади часто отталкивают в конец очереди. Да и не особо мне это нужно: у такой ведьмы, как я, дар дан темными силами. Уверена, однажды они явятся ко мне и сделают своим адептом. Правда, я пока не знаю, кому можно поклоняться, потому что не знаю никого из Черных Богов…

Несмотря на любовь ко всему мрачному, я никогда не видела ни Домового, ни Кикиморы, ни даже маленького чертенка, все они пока обходят меня стороной, явно проверяя желание на прочность.

Лик Святовита смотрит на меня каждое утро, когда я лезу на подоконник распахнуть ставни окон. Так и слышу его грозное «Изживу тебя, Варька, из моей набожной деревни! Пойдешь обираться по другим!» А я язык ему в ответ показываю.

Наши думают, что это он все войны предупреждает, раз

к нам никто не ходит, хотя мы почти на границе с царством Подводным живем. И поклоняются Святовиту. Чуть что — в каменные ноги падают. Но на самом деле царства под водой вообще не существует. Я плавала в озере, где мы одежду стираем, и нет там ничего да никого! Так что дураки они.

Ничего не выходит: стебли венка выворачиваются и не хотят сплетаться. Я со злостью стучу рукой по соцветию, и оно рассыпается, потому что наполовину засохло: передержала на солнце. Бью еще раз и, когда надоедает портить цветы, залезаю на стол и прикасаюсь к стеклу ладонями, навалившись на окно всем весом. У нас с сестрой в комнате оно большое, из него за всеми подглядывать можно. Однажды я узнала, что и за мной тоже, поэтому стала делать так реже.

Как я и думала, под окном трется наша корова. Она замечает меня и подходит ближе, да так шею вытягивает, словно действительно думает, что ей что-то от меня перепадет. Сестринская Мурчалка, мамина Мурка, папина Корова и моя Остолопка, скотинка уже год оставалась безымянной, потому что все обращались к ней по-разному. Но больше Мурчалка, потому что мама лет десять лежачая, а мы с отцом к корове ни ногой. Христиана сама. Не люблю я слюнявых животных, а эта постоянно норовит лизнуть мне щеку или пожевать сарафан, как только я приближаюсь.

Я толкаю ставни наружу, чуть не повалившись вперед на отцовские инструменты, испуганно кривлю губы, глядя на острия, и выпрямляюсь. Вилы смотрят на меня стальными

спицами, зазывая отдохнуть на их концах. Не в этой жизни, уж нет…

— Эй! — кричу, чтобы сестра услышала, но она продолжает бежать за Светой, чтобы осалить ее. Совсем уже с дуру захирела. Хорошо, что меня не отпустили гулять: Света в новом красном сарафане, наверняка бы выпендривалась передо мной, рассказывая, какой огромный ей сундук с вещами в этот раз привез отец из другой деревни. Хвастушка.
— Ты оглохла?! Христиана! — На мой тонкий детский крик оборачивается мимо проходящая парочка взрослых, так же быстро возвращаясь к своему разговору.

Сестра наконец обращает на меня внимание и слегка вытягивает подбородок вверх, как бы спрашивая: «Что надо?». И Света, и Христиана, и Вася, все трое замирают и смотрят на меня. Готова поклясться: всем, кроме сестры, только на руку, что меня заперли дома. Никогда не нравилась им.

Я указываю рукой на комнату и вываливаю на всеобщее обозрение сплетенный с вечера Христианой венок. Сестра решила опоздать на тайное собрание искателей нечестивого, за это ее венок улетит прямо в окно, Остолопке на съедение. Корова как раз подливает масла в огонь и подыгрывает мне: все тянется за ним и тянется.

Христиана хмурит брови и открывает рот, явно желая ответить чем-то обидным, но вместо этого бросает взгляд по сторонам, на друзей, и молча идет в мою сторону.

— Давай быстрей! — прежде чем захлопнуть окно, под-

гоняю я. Ставни прижимаю плотно, чуть не повиснув на них, чтобы точно захлопнулись: они слабенькие у нас. От ветра вылетают, а еще щели продуваются страшно.

Слезаю со стола и отряхиваю сарафан от шелухи. Нельзя было испачкать, он парадный. Зеленый, весь в горошек, как я люблю, а под ним белая рубаха. Поправляю пояс под грудью, и золотые кисточки на концах щекочут руки. Батя с ярмарки в прошлом году привез.

Слышу, как сестра болтает с мамой на кухне, чем-то брякает, наверняка за сушками тянется, а потом идет ко мне через сени. Доски скрипят под ее ногами, и через несколько секунд она распахивает двери в нашу «опочивальню».

— Ты что, все-таки выбросила?! — Она сразу замечает венок на полу и хватает с полки недоеденное яблоко. Пусть скажет спасибо, что венок на полу, а не у коровы в пасти.

Фрукт летит в меня и попадает прямиком в лоб. Я обиженно затягиваю гундеж и готова заплакать, но Христиана закатывает глаза и скрещивает руки на груди. Я замолкаю, прищурившись и держась за лоб.

— Если будешь бить меня, я пожалуюсь. — констатирую, и она, найдя мое заключение справедливее очередной истерики, кивает. Молча поднимает венок и надевает на голову.

— А давай в шутку какому-нибудь мальчику подбросим? — шутит она, и я невольно улыбаюсь, возвращаясь к плетению своего.

— Потом нас отец куда-нибудь подбросит. В речку к мав-

кам. Или на съедение Лешему, — говорю я. Христиана садится на кровать и подтягивает ноги к груди. — Причем только меня, тебя-то им жалко.

Сестра молча пожимает плечами и не смотрит на меня. Ясно, уже задумалась и замечталась о чем-то, что у нее постоянно на уме.

Раньше не так было. Она никогда не уходила в себя, всем делилась. Сначала мне думалось: показалось. А теперь я с каждым днем ожидаю подвоха — что-то случилось, пока я дома сидела, в очередной раз наказанная! Не иначе — жениха себе нашла и сохнет по нему, а нам с мамой не рассказывает. Или что похуже: сломала небось что-то в соседском дворе и признаться боится. Да разве ж боятся сломанной вещи так долго? Она уже больше года сама не своя…

Я сажусь рядом на кровати, а сестра подгибает колени, и ее лапти скрываются под подолом. На ней синий сарафан, мамин. Не по размеру, велик, зато красивый. На подоле золотой орнамент — солнышки и завитушки. Под грудью свисают нити сине-золотой ленты. Ее волосы молочного оттенка перетянуты на лбу широкой полосой голубого шелка. Я смотрю на свою косу и поправляю зеленую ленточку, вплетенную в пряди.

Мы с Христианой одинаковые. Потому и кличет нас народ ведьмовской несчастливой родней. Мать, говорят, мы своим рождением скосили, а скоро и скот от нас подохнет. Но Мурчалка-то не особо жалуется, так что я не верю в предрассуд-

ки. Мы просто особенные. Нет на свете больше таких, как мы, одинаковых.

— Так что придумать-то, говоришь, надо? Чтобы мое желание сбылось? — Она задумчиво играет с кончиком косы, а я, закусив язык, вплетаю тонкий стебелек в общий рисунок, закрепляю узел. Лишь бы вновь не развалился.

— Десять заветных желаний.

— А чего так много? У меня нет столько, — оставив косы в покое, спрашивает сестра, и я поворачиваюсь к ней. — Ты вообще где этот ритуал взяла? Кто рассказал? Почему обязательно венок нужен? — тараторит она, не давая мне и слова вставить.

— Вообще-то я ведьма, и ритуалы ко мне сами приходят. Во сне, — гордо задрав подбородок, сообщаю я.

На самом деле выдумала, но сейчас мне казалось, что если совру, то на то и правдой выйдет…

— Ну ладно. — Она всегда мне верит. — Знаешь, я с Мурчалкой кое-что обсуждала… — Христиана любит животных, часто с ними болтает, потому что реальных друзей ей, видимо, мало.

— И чего она сказала? — Я подразумеваю, что там сестра сама навоображала из их с коровой времяпровождения.

— Вот. — Краем глаза замечаю, как Христиана выставляет руку вперед, протягивая мне какую-то вещь. Я беру ее в ладони и пристально разглядываю. — Это подарок тебе.

— Чего это? — Не понимая, рассматриваю круглые и

гладкие бусины, нанизанные на крепкую леску. — Ты где такое взяла? — Она берет мою руку в свою и надевает украшение на кисть. Я отнимаю ладонь и выставляю перед собой, рассматривая, как браслет смотрится на руке.

— Бери и не спрашивай. Не боись, не отберут. А коль спросят, так скажи… Старшие подарили. А если батька затянет песню, так ты на меня вали. — Смотрю на сестру и усмехаюсь. Она стала какой-то ветряной, что ли… С чего это у нее все так просто? — Ты только смотри: не потеряй. Если с тобой будет, от всех бед оградит.

— Спасибо, сестричка. — Отворачиваюсь и краем глаза кошусь на перламутровые кругляшки, они переливаются в свете солнечных лучей. — Принесешь сушек и чаю? Не хочу с мамой обедать, да и вряд ли она меня к столу до вечера пустит.

Христиана кивает и встает. Ей неприятно режет слух то, что я говорю: вижу, как она кривится.

Сестра оставляет дверь открытой, я поворачиваюсь в сторону обеденной комнаты. Мама, оперевшись о деревянную палку, макает в тарелку хлеб и, пачкая лицо да не зная, что я наблюдаю, уминает в свое удовольствие какую-то жижу. Причмокивает слегка. Интересно, я, как вырасту, стану такой же противной? Буду своих детей в наказание голодом морить?

— Кто пришел, а? Сходи в сени, глянь! — кричит она, и я вздрагиваю, хоть и не мне ответ держать. Христианку

сегодня загоняли. — Ну?! Кто там?

Мы с мамой затихаем и прислушиваемся в ожидании, я даже думаю встать и подойти ближе, подслушать. Но меня перебивает удар сердца от резкого звука. Христиана испуганно, с протяжным криком: «Мама, мама, спаси, это они!» забегает к матери, и я, предчувствуя что-то нехорошее, медленно встаю с места. Руки сами собой прячут венки и мои ведьмовские принадлежности.

В комнату входят двое рослых мужиков, на них заморские рубахи — черные, крой необычный… У нас так никто не шьет мужикам. Брюки такого же цвета, черного, а сверху серебряная кольчуга. Явно не для красоты. И сапоги какие… Добротная кожа. Еще и крашенная. На настоящих солдат смахивают, как из сказок. Неужели меня арестовывать пришли за ворожбу? Или потащат на костер да сожгут?

— Чему обязаны? — Мать берется за трость и облокачивается на нее. Я цепляюсь за взгляд Христианы и подбегаю к сестре, обнимая за талию.

— Дочку вашу забрать приехали, хозяйка. — Один из них, более темненький, кивает на меня. У него коротко стриженная борода и нет усов. Христиана встречает мой взгляд. Ей страшно, но я не понимаю, чего она боится. Все-таки натворила чего, пока я не видела?

— Кто вы такие? — впереди матери вставляю я свое слово, за что получаю ее недовольный взгляд. — А что? Почему вы сюда пришли? Приходите, когда хозяин будет дома! — Я

иду на них, но те не отступают. Чувствую, как мать касается плеча и тянет обратно.

— Мы прибыли по приказу царя Кащея Бессмертного из столицы за вашей дочерью. Одна из девочек отмечена его даром, поэтому мы наделены полномочиями увезти ее в специальное место для ей подобных.

В моем сердце теплеет от его слов. Нет, уезжать я не хотела… Но… Неужели я правда ведьма? В нашей Березе давно слух пошел, что царь новый, однако никто его не признал, нечисть эту. Где же это видано, чтобы кровопийцы или черти царями становились? Мы по-прежнему во здравие царя Ильи Муромца молимся. Но как же дела на самом деле по ту сторону Хребта обстоят? Зачем я всегда молилась за мертвого царя, как мои родители, если его больше нет и почему взрослым так сложно принять нового?

А главное — никто ведь не верил, что царь особенных детей по всему миру собирает. Говорили, нет их боле, коли Кащей действительно воцарился, потому что Боги на нас обиделись за предательство: нечистого на трон посадили. Но, видимо, не в наших краях, у нас религия была еще сильна. И нечисть наши презирали. Боялись. Ну, почти все… Кроме меня! Если этот царь сам нечистый, может, он и не заставит меня молиться каждый день Святовиту?

Так, стало быть, теперь поеду в столицу? Обучаться ведьмовству? Стану повелевать огнем или, например, воздухом? Какие силы еще существуют?

— Пошли вон отсюда. — Мать выставляет палку вперед и чуть не пробивает одному из мужиков грудь. Это бесполезно, мы втроем это понимаем.

— Мама, не надо, я хочу поехать. — Сверху ее руки кладу свою, и она удивленно смотрит на меня. — Вы представьте, какая это возмож…

— Варь… — Я слышу тихий голос сестры, она зовет, но я не оборачиваюсь.

Мы никогда не разлучались, но разве это не повод нам вместе поехать? Не оставлю я ее, конечно, со мной поедет!

— Такая возможность выпадает раз в жизни! — продолжаю я, и мама ошарашенно смотрит на меня.

Они никогда не поймут, что такое быть ведьмой и как это почетно. Нет, уверена, в других краях не так, совсем иначе!

— Ты-то хоть понимаешь? — оборачиваюсь к Христиане.

— Варь… — Сестра вздыхает и прижимает ладонь ко лбу, прикрывая глаза.

— Я тебя не оставлю, вместе поедем, — предупреждаю ее опасения, но она не отнимает руку от головы.

Чем сестра так взволнована? Мужики, на удивление, терпеливо ждут нашего решения. Оно понятно. Думаю, им куда приятнее добровольно сопроводить, чем тащить. А на чем мы поедем? Я кошусь на дверь, но отсюда не видно. В тележке? Али на коне волшебном поскачем?

— Варь, мы никуда *вместе* не поедем. — Христиана смотрит мне за спину, я оборачиваюсь и вижу, что мама плачет.

Меня коробит. Я совсем о ней не подумала. Что будет, когда мы обе уедем? Как она одна здесь, по дому? А когда отец постареет и станет немощным, кто о них позаботится? Ведь детей больше никогда не будет… Наверное, ей очень обидно, что я ни во что ее не ставлю, как будто она здесь в качестве стола или домашней утвари. Мама, прилагающаяся к любому дому, а моя еще и испорченная.

Мне вдруг становится не по себе: что подумает отец, когда узнает о моем отъезде? Я не могла уехать, не сказав ему ни слова. Несмотря на то, что его я боялась больше матери, мы были друзьями, и уезжать *вот так* нельзя.

— Нам нужна только одна девочка. Не плачьте. В столице о ней хорошо позаботятся, матушка. Она будет писать вам. — Мама всхлипывает, и я отворачиваюсь к сестре, но она не сводит взгляда с матери. Неужели та ей дороже меня? Не замечала, что они близки. Хотя ее мама всегда любила больше, чего тут обманываться, я привыкла.

Христиана бросается к матери, и они обе, не щадя ее больную ногу, обнимаются. Сестра держит мать на себе, давая стоять на двух ногах. А та так натурально плачет, как будто такой же человек, что и мы. Словно она не мама, а просто… Есения. Девушка, которая теряет что-то очень дорогое.

— Я не поеду без сестры. — Насупившись, отворачиваюсь от родственников и смотрю на гостей.

Их лица нечитаемы. Стоят и ждут неизбежного конца, неизменного. Для них нет разницы — утащить или угово-

рить.

— А где доказательства, что вы от царя? — не унимаюсь я. Мужики переглядываются, один усмехается моей прыти. Второй, явно забавляясь, слегка кивает, мол: «Ладно тебе, это ведь ребенок». И достает лист, кладет мне в руки.

— Я читать не умею. — Смотрю на маму, она прижимает сестру к себе и утирает маленьким кухонным полотенцем слезы. — Мам?

— Отца надо дождаться, он обучался у деда вашего, — объясняет мать, но Кащеевы прихвостни не жалуют ее ответ.

— Ехать надо. Все заранее оговорено было, так что не делайте вид, будто в первый раз узнали. Оставлю вам бумагу. Муж придет — прочтет — вам расскажет.

Так они не первый раз приезжают? Я невольно сжимаю письмо между пальцев.

Христиана целует маму и отстраняется от нее.

Я кладу бумажку на стол перед собой, она приземляется поверх тарелки с бубликами, и смотрю в сторону. Надо успеть сложить вещи. И поскорее собраться, пока отец не приехал и не сказал, что мне нельзя ехать.

— Вещи хоть собрать можно? — тихо спрашивает Христиана, не смотря на меня.

И получает одобрительный кивок в ответ.

— Милая, ты никуда не поедешь. — Мама не дает ей уйти, а я хмурюсь, не понимая, почему *она* идет собирать вещи.

— Эй. Вообще-то я иду собирать вещи. — Я скрещиваю

руки на груди, и все смотрят на меня. Кажется, каждый в этой комнате знает что-то, чего не знаю я. Или разом отупели и перепутали меня с Христианой.

— Это невесть кто. Куда я тебя отпущу? — игнорируя меня, мама облокачивается на трость, а свободной рукой держит сестру.

— Вы меня слышите? — Я повышаю голос.

— Варь… — Сестра вздыхает и поджимает губы.

О, она не знает, как мне что-то сказать, я узнаю это выражение лица.

— Варя, я не говорила тебе, не хотела обидеть… Мам, а они от царя, ты же понимаешь. Не врут. Я знаю, ты тоже…

Моя сестра подмигивает ей, незаметно, и я вижу, как мама поднимает палку и бросает со всей имеющейся силой в ближайшего мужика. Тот от неожиданности пятится, она попадает ему в лоб. Кровь тотчас реченькой ведет свой путь к скуле, а опосля и широкой шее.

— Бегите! — Мама кричит, и Христиана срывается с места первее меня. Хватает за руку, будто была готова к этому. Мы бежим в нашу комнату. Я догадываюсь захлопнуть дверь и заставить ее тем, что могу передвинуть. Накидываю кучу хлама к порогу. А Христиана расчищает путь через окно: толчком распахивает ставни, смахивает все со стола и, запрыгивая на подоконник, манит меня рукой.

Никогда прежде я не видела мать такой эмоциональной. Она всегда была тенью этого дома, призраком. Для меня, по

крайней мере. Я никогда не замечала в ней человека, а вот Христиана, видимо, любила ее намного больше. От осознания их близости внутри что-то неприятно сжимается.

То, что рядом нет отца, ранит еще сильнее. Он в очередной раз бросил меня с этими двумя, хотя уже должен был вернуться с ярмарки. Будь он дома, от этих ряженых ничего не осталось бы!

— Давай! Ну же! — Сестра прыгает с подоконника, и я вспоминаю об инструментах внизу.

В комнату ломятся. И входят, когда я стою на столе. Мне нужно всего три секунды, я прыгаю вниз. В стопы стрелой влетает боль. Я вскрикиваю, как будто переломала себе ноги, но как только сестра хватает меня за руку и срывается с места, я чувствую, как уходит боль, и ноги начинают бежать быстрее, чем я сама о них думаю.

— Быстрей, быстрей… — слыша за спиной тяжелую поступь мужиков, шепчу я с выдохом, Христиана находит силы передвигать ногами скорее.

Мы обе, думаю, с удовольствием сбросили бы сарафаны, они сильно мешали. Чего уж говорить о тяжелых вышитых украшениях со всяческими вензелями, узорами или полосками на подоле.

Христиана визжит — я ускоряюсь. Мне больно бежать. У них сапоги, а на нас лапти на оборах. Как те еще не слетели — только Святовиту известно.

— К озеру! К озеру! — увидев спуск к месту, где мы обыч-

но стираем белье, ору я. Там можно нырнуть, переплыть озеро и спрятаться в овраге! Христиана резко сворачивает туда. Сразу понятно — путь выбрали кривой, на нем ямы и неровности, редко сюда заезжают тележки, чтобы выровнять дорогу. Мы постоянно спотыкаемся.

Крепкая рука хватает меня за плечо. Я, оторванная от сестры, падаю на землю. Копчик немеет. Боль распространяется по ногам, я на мгновение перестаю видеть, что происходит. Может, Христиана и остановилась, но я слишком долго прихожу в себя, чтобы это заметить. Весь мир переворачивается перед глазами. Сестра и второй мужик бегут впереди. У меня горят легкие, пытаюсь отдышаться. Снадобье из боли и усталости облепляет тело недомоганием.

— Ну и шустрые вы, однако. — Мужик не бьет меня за то, что мы сбежали. Помогает встать, подтягивая за руки наверх, а я с опаской берусь за его ладони, чтобы удержаться.

— Как ты, Варька? — Он осматривает меня и дает сделать шаг назад.

Будь у него клыки, когти, наступай он на меня или нападай… Я бы не боялась.

— Чё вам надо от нас? — не выдерживаю и опять грублю. После погони мое мнение насчет поездки меняется в противоположную сторону. — Мы никуда с вами обе не поедем. У нас мама больная. Вы видели? — Я тычу пальцем в сторону дома. А он далеко. Нехило мы так пробежали.

Мужик вздыхает и упирает руки в бока. На его лице напи-

сано, как он пытается подобрать нужные слова. Объяснить так, чтобы я поняла его. А я и без него обо всем догадалась! Шибко умного играет тут, придурок. Не нужны нам такие бестолочи в деревне.

— Варь, приказ у нас есть. Сестру твою доставить в столицу. Мы огромный путь сюда проделали, чтобы ее и еще нескольких детей забрать. Кащеева воля на то. Царская. Не тебе и не ей с этим спорить. А мать ваша вон как, — он показывает пальцем на свой лоб и кровоподтек, — еще постоит за себя, не переживай. Да и ты у нее останешься. Помогать по хозяйству будешь.

— Я в лес уйду, если вы Христиану заберете. И к Бабе Яге пойду учиться. И ведьмой стану, а потом вас прокляну! Так своему Кащею и передайте! Не царь он нам! — Я кричу на всю улицу и с размаху топаю ногой. Пыль поднимается и попадает мне в нос, я чихаю.

— Воля твоя, девочка. — Он пожимает плечами и отворачивается в сторону реки.

Я могу сбежать, но не вижу в этом смысла. Они не меня ловят…

— А как проверить, что царь этот ваш настоящий? — я повторяю за ним, упирая руки в бока.

— Он и тебе царь уже лет пять как. — Мужчина шарит по карманам и вытаскивает серебряную монетку. — На, держи, на память тебе. Считай, от самого царя. Купить сможешь, что угодно, такие сейчас только в столице делают.

Я беру в руки монетку и всматриваюсь в причудливые выпуклые узоры. У нас таких денег не водится. На одной стороне цифра с острым носиком, в с другой — чей-то профиль с длинным носом и шипообразной короной. Как будто когти из головы выросли. Жутко.

Христиана, мокрая, окликнув меня, идет впереди второго солдата. Он сначала держит ее за плечо, а после, видя, что мы с его товарищем стоим и не боремся друг с другом, отпускает и слегка подталкивает сестру вперед. Вижу, что спрашивает ее о чем-то, на что она неохотно отмахивается.

— И когда вы ее вернете? — Я поворачиваюсь в сторону того, кто меня поймал, но он молчит.

Подбегаю к Христиане, не дождавшись ответа, и снимаю с ее волос тину. Она на затылок ей прилипла. Сестра, бедная, от безысходности сиганула прямо в речку без меня. Хорошо, что хоть в сеть рыбацкую не угодила, они, если не у пирса, везде обычно расставлены.

— Варя, собери вещи сестринские. И выходи на крыльцо. Да в дорогу ей перекусить чего с матерью положите — путь долгий. — Второй мужчина дает указания, я смотрю на сестру, и она одобрительно кивает. Некуда ей бежать. Осталось только покусать их, но и это ничего не даст, лишь зубы переломаем об кольчугу.

— Ладно. — Я отворачиваюсь и пинаю камень. Чтоб этому царю по лбу им прилетело, жаль, не докину до столицы.

Почему даже он меня не выбрал-то? Вот чем ему Христи-

ана понравилась, такая набожная и нечисть недолюбливающая? Неужели со мной что-то не так…

Специально медленно иду к дому, но, поняв, что Христиана на холоде стоит вся мокрая, ускоряюсь. Еще без вещей заберут…

Захожу в избу и натыкаюсь на мать. Она сидит на полу и растирает больную ногу. Я прислоняюсь к косяку двери и смотрю на нее, она замечает меня.

— Ну, что? — Понимая, чем это закончилось, у нее глаза на мокром месте, но она все равно спрашивает.

— Ее только заберут. Я останусь, — тихо отвечаю маме и иду в комнату, обходя стол. На меня смотрит погром. Осознаю, что убирать его мне придется. Вижу на столе бублики и, пока мама не вспомнила о моем наказании, прячу их в карман.

— Мам, соберите ей что-то в дорогу! Бублики там, не знаю…

Я лезу в сундук и достаю любимые сарафаны Христианы. У нас вещей не так уж и много. Чаще всего мы носим одно и то же, общее, поэтому мне трудно отобрать то, что принадлежит только ей. И все-таки кладу пару сарафанов, что сама обожаю носить. Ей нужнее. Она там без никого будет. Еще и на новом месте. Кладу в котомку несколько лент, которые мы обычно вяжем под эти наряды, сережки, кольцо ее, любимую куклу. Клубок пряжи и спицы. Белье, обувь, ночную рубаху, гребень и набор отваров для волос.

— Может, отца дождемся, Варька? — Мама ковыляет ко мне и останавливается у порога нашей с сестрой комнаты.

Я встаю с колен после проверки заначек под кроватью и пожимаю плечами.

— Если хотите тумаков ему и нам заработать, можно подождать. Они правда от царя. Видели, какие кафтаны? И кольчуга? А сапоги? — с придыханием выдавливаю из себя каждый вопрос.

Мама сокрушенно кивает головой, смотря в пол.

— Ты, главное, положи ее любимую куклу, — напоминает она, на что я показываю сложенную в общую кучу игрушку.

— Ага… — Она отворачивается и идет на кухню, хромая. Ей очень больно.

— Ну, мам, не переживайте так. Она скоро вернется. Что там ее держать-то будут? Мама? — Я иду за ней, чувствуя, да и слыша, как она плачет. Легонечко кладу руки ей на плечи, обнимаю.

— В том-то и дело, Варька, что не вернется она больше. По ту сторону Хребта ее везут, коли в столицу. Подумай сама, как вернется-то? Ее насовсем забирают, на службу. Туда и девок берут, что ж за срам-то такой, Боги милостивые… — Я сглатываю, непонимающе смотря на маму. — Не рассказывала я тебе. Приезжал сюда уже один, говорил, заберут ее. Готовьтесь, мол. Папка тогда прогнал его, но мы уже знали, что нет пути обратного. Сказал, будет служить она при дворе Кащею Бессмертному, что одарил он ее. Варь, а не он одарил,

ну, не бывает так. Только Боги так могут. — Я внимательно слушаю, придерживая ее. — Наплел ерунды, прежнего царя нашего, Солнышко-Красного, согнал да нечисти напустил. Бесовщина в столице творится, и вот туда нашу-то и отправляют! Будет им прислуживать. — Мама садится на кровать, где проводит бóльшую часть времени. — Возьми еды и иди. Иди, Варя, давай! Смотреть на тебя не могу! — Она падает лицом в подушку, и я чувствую, как растет во мне жалость, желание поддержать маму.

Быстро накидываю еды к вещам и выхожу на улицу. А никого нет. Слышу топот лошадей и вижу огромную махину на больших колесах. Круглая, не то из камня, как и колеса, не то из чего-то стального, как оружие. Как они эту штуку сделали, выплавили?

Понимаю, что диковинка здесь не просто так, а если она едет, то и внутри уже то, за чем эта бесовская колесница приезжала. Со всех ног бегу за ней и кричу имя сестры. Но из этой громады ни отклика, ни крика. На мой голос высовываются соседи. Кто знает меня и сестру, семью нашу хорошо, бегут вслед за мной. Те, кто впереди, пытаются вилами проткнуть едущую коляску.

Один сосед на лошади выскакивает из сарая, но его чуть не подстреливают из лука, и он отстает. Когда это случается, замедляюсь и я. Останавливаюсь, вновь ощущая огонь в легких. Он языками неприятно опаляет глотку. Соседи расспрашивать начинают, слышу крики вслед царским прихвост-

ням, женщины меня обнимают. Но это неважно.

Важно то, что она уехала. И без вещей. И без прощания.

А главное — без меня…

Глава 2. Христиана

Фигура сестры, с каждым мгновением удаляющаяся все дальше от меня, возвращает меня в реальность. У меня остается совсем немного времени, чтобы сбежать от них. Одышка еще не прошла, а гуляющий ветер пускает дрожь по коже.

— Христиана, — тот, кто гнал меня, подает голос, и я оборачиваюсь, обнимая себя руками, - не стоит бояться грядущего, наш царь милостив и ждут тебя только почести в столице, коли службу будешь верно нести.

Интересно, всякая ли девушка в столице мечтает о том, что он перечислил? Отец и так вынудил меня слишком рано осознать, что заботы мои – не только жмурки с друзьями да игра в куклы с сестрой, я уже давно зарабатывала, показывая свой дар на представлениях в других деревнях, однако и это не предел моих мечтаний. Так на что надеялся этот царь, выдавая “почести” как нечто желанное для девочки моего возраста?

Я молча отворачиваюсь и смотрю, куда податься. Самый ближайший дом на нашей улице – четвертый, там мой друг Вася живет, да вряд ли в нем надолго укрыться получится: у них отец тоже, как и наш, на ярмарку пустился.

— Набрось вот это, — теперь голос подает второй мужик, он мне больше нравится, чем тот, кто бежал за мной, — а то дрожишь вся.

Я рассматриваю кафтан, который он мне дал. С себя снял, оставшись в рубахе и кольчуге. Хочется поблагодарить, но язык дурно слушается, совсем отказываясь ворочаться во рту. Мне страшно сказать лишнего и выдать желание снова попытать удачу в бегстве.

— Ну не робей, не робей, — подбодрил он, сцепляя руки перед собой.

Кафтан красивый, черно-красный, хотя неосознанно получается только ненавидеть его. Даже запах, окутавший меня, больше пугает, чем греет.

Я набрасываю кафтан на плечи, придерживая распахнутую середину руками. Мужик очень резво оказывается рядом со мной, и я дергаюсь в сторону, как от удара. Он, улыбнувшись, опускается на колено, становясь немного ниже меня.

— Давай помогу, — он направляет мою руку в рукав кафтана, а я совсем каменею от страха, боюсь ему воспротивиться, — у меня, представляешь, дочка заказала вот такой вот кафтан, чтобы на лошадях кататься по полям.

— Дочка? — почти шепчу я, но он слышит.

— Ну да, Лёлей зовут, чуть старше тебя будет, — его пальцы пропускают пуговицы в петельки прямо под моим подбородком, я задираю его повыше, - вот тоже в столице живет, может, познакомитесь когда-нибудь, как ты Академию кончишь.

— Дядя, — в этот раз я шепчу намеренно, но так эмоцио-

нально, что чувствую, как мое горячее дыхание касается его кожи.

Я хватаюсь за одну из его большущих рук, замерших на уровне моего живота на одной из пуговиц, и поднимаю повыше.

— Прошу вас, дайте мне убежать сейчас, я вам век благодарна буду, — он пытается высвободиться из моей хватки, но я цепляюсь еще сильнее, — что хотите сделаю! Я работаю, могу вам часть денег своих отдавать.

— Христиана. — Вздыхает он.

— Ну пощадите же! — я опускаюсь перед ним на колени, а он дергает меня наверх и сам встает на ноги, — дядя, ну пожалуйста, ради Ильи Красно-Солнышко!

— Ну все, хватит, — он подбирает красно-золотой пояс и туго завязывает его на мне, кисточки все равно оказываются слишком длинными и свисают концами, как и кафтан, почти у щиколоток. — Царь твой отныне и до века Кащей Бессмертный, и самой тебе о том известно.

— Пусть умрет твой царь! — я подпрыгиваю от злости и ударяю мужика по руке, - пусть умрет-умрет!

— Грузи ее, Бронислав, а то совсем распоясалась. — Молчаливый мужик смотрит на нас вполоборота, скрестив руки на груди.

Целая жменя камней подлетает над землей и врезается мужику прямо в лицо. Кровь струями течет по его лицу, он кряхтит, а второй больно сжимает мои запястья, цепляя на

них странные оковы — полый камень.

Мы встречаемся взглядами с Брониславом, который пожаловал мне кафтан. Ловлю в нем не только сердитые, но и обиженные интонации. Сама не знаю, хотела ли я того, но даже не поняла, как уже сделала, упустив возможность припустить и сбежать.

Мне заламывают руки и заталкивают в какой-то домик на колесах. Он стоял совсем неприметный неподалеку. Я спотыкаюсь об ступеньку и заваливаюсь вперед на колени, успевая лишь выставить перед собой ладони, дабы зубами об стол не треснуться.

Понюхав запястья, я понимаю, что на оковы нанесено масло: примесь травы, которую собирает Варька для своих игр в зельеварку-ведьму. Не то тимьян, не то сухой укроп. Хоть где-то мне действительно пригодилось ее мнимое игрушечное ведьмовство.

Не могу представить, как она себя почувствует, увидев, что я уехала. Возможно, только мысли об этом оберегают меня от волны паники и ужаса. Или нет. В голову ураганом влетают тысячи вопросов.

Куда меня везут? Как мне сбежать? Как спасти свою шкуру?

Я подбираюсь и, чувствуя, что сзади меня подгоняют, забираюсь на мягкую скамейку, как будто прикрученную к стене. На ней разбросаны подушки, а над столом блестит занавешенное окно.

Мужики с подозрением глядят на меня, садясь напротив. Бронислав с силой тянет дверь на себя и с хлопком закрывает дверь.

Я, по их мнению, затравленная дикая девочка. Специально смотрю в ответ зверем, пусть боятся дикарки из деревни. Разобью их лица камнями, как только снимут с меня браслеты.

— Утомилась, ведьма? — обиженный мужик вытирает лицо от крови платком.

Я наклоняю голову набок и смотрю на него.

— Христиана, — холодно, насколько умею, цежу сквозь зубы. — Я колдунья. А коли неведомо вам, в чем различия, так варежку не раскрывайте.

Хорошо, что мне не прилетает по лбу. Обычно я не грублю, поэтому всегда Варьке достается дома, но сегодня я ее потеряла.

— Я Бронислав, а это Степан, — пока еще не покалеченный кивает на друга. Я кошусь на него. — И не надо волком смотреть, не мы тебя силой наделили.

— Не рада знакомству. И Кащею своему так же передайте. Мы в деревне его лично не видели, так что ничем не обязаны. Коли так нужна ему, пускай сам за мной явится. — выдавливаю и утыкаюсь лбом в стенку крытой телеги.

— Христиана, домой пути нет. — Несмотря на разукрашенное лицо, говорит он спокойно. И смотрит внимательно, Бронислав этот. — Это не наша прихоть. Мы пересечем

Хребет с другими послами, и ты смиришься. — Он стучит по стенке телеги, а я невольно излишне внимательно слежу за его движениями.

Не подаю вида, насколько сильно меня начинает трясти от одного только слова — Хребет. Никто в здравом уме не станет переходить через него. Любой, кто ступит на проклятую землю, погибнет. Сейчас они, наверное, позаботились о безопасности, но… Как же мне потом возвращаться к семье?

— И куда мы поедем? Давайте поподробнее, что ли. — Они молчат. — Пожалуйста. Вы увезли меня от семьи. Я так боюсь! — изображаю испуганную изо всех сил. Они молчат. Наверное, во второй раз они мне не поверят. Ну и пошли они к какой-нибудь нечисти в задницу.

Я разваливаюсь на лавке и поворачиваюсь к пленителям спиной. Я давно была готова к похищению, родители рассказывали, как надо поступать в такой ситуации.

Вспоминаю мягкое лицо матери и как она вкусно пахнет еловой мазью. Смешно и незаметно потираю кожу у переносицы, чтобы убрать слезы. «Будь тише, вотрись в доверие, а потом беги!».

Сплю всю дорогу, принципиально не прося ни воды, ни еды, хотя после долгой дремы рот уже подсушивает. И когда становится совсем тепло, даже жарко, что очень странно, учитывая то, где мы должны быть — в сердце мрака и холода, во владениях Морены, — просыпаюсь. На столике, прибитом к стене, учтиво выставлена еда — и вареные яйца, и

соленые огурцы с помидорами, и холодец, и сладости. Некоторые блюда я вовсе никогда не пробовала! Я сдаюсь, молча отдаваясь во власть голода.

Мои конечности давно должны были окоченеть. Возможно, другие колдуны, как я, могут поменять снег на траву? Если и да, то почему же они весь Хребет не обращают в лето для людей? Можно вечно гадать, но от этого яснее не станет.

Мы едем томительные часы, я урывками вспоминаю дорогу, постоянно пребывая в неспокойном сне.

Они не отвечают на мои вопросы о том, где я теперь буду жить и когда вернусь домой. Мои попытки подружиться ударяются об стену молчания. День сменяет ночь, а мы никак не приедем. Дорога кажется вечной. Тоска по дому превращается в страх.

Я не ожидала, что это будет длиться так долго. Хочется обратно. Папа сказал: никуда не поедешь. И мы с мамой надеялись, что он решит дело, что не заберут меня. Мы договорились убить их моей силой, если что-то пойдет не так, я даже на животных тренировалась. но все колдовство пропало, стоило незнакомому камню обоять мои запястья…

По приезде я выхожу сама, стоит двери распахнуться. В нос ударяет новый запах — хвойный. Не как от мамы. Здесь свежо и одновременно леденяще отчужденно. Совсем не как дома. Повсюду зелень, густой лес. Кажется, неподалеку есть и река, я слышу ее шелест. Потянув руки наверх, ощущаю, как спину простреливает от долгого сидения, а мышцы как

будто зажевываются и ищут способ скрутиться в калачик.

Они вывезли меня в лес. Может, даже за Хребет не увезли? А то как иначе? Холодно не было. Возможно, все куда проще, чем я думаю, и эти предупреждения якобы с царской печатью — так, липа. Они все у отца остались, мы готовились, откладывали деньги, чтобы выкупить меня, хоть это и не было предусмотрено в обращении к нашей семье. Но, может, никакого царя и нет? А Великий Илья Красно-Солнышко ничего и не знает о том, что со мной творится? Что творится с такими, как я?

В зубах тлеет горечь, она обвязывает язык и начинает колоть верхнее нёбо, когда я кусаю оковы на руках. Трава осыпается, но плотная леска между каменными кругами не раскусывается, а железный кругляшок не падает. Запястья красные от трения. Бронислав быстрым движением разливает по моим запястьям прозрачную жидкость, и оковы растворяются.

— И что дальше? — Я скрещиваю руки на груди и иду по траве. Недавно был дождь: на мгновение оголенную голень, выглянувшую из-под черного кафтана, ластится вода. Она обдает приятным холодом.

— Вон твои. — Степан кладет ладонь мне на плечо, я кошусь на него и вижу перед собой его другую руку: он показывает мне на что-то впереди. — Дальше сама давай. Удачи тебе.

— Вы меня не проводите? — Я оборачиваюсь к ним. То,

на чем мы ехали, превращается в обычную тележку. Бесшумно. Бронислав уже сидит в ней.

— Иди-иди. — Степан машет на меня руками, и я, совсем растерявшись, убегаю от них. Впереди замечаю дом, небольшую избушку. Вроде бы людей, девочек, они выглядят безобидно. Парни тоже есть, но их совсем мало, и они еще молодые, так что с ними я на раз-два расправлюсь, если решат напасть. В конце концов, коса у меня ой какая тяжелая, прилетит в лицо им только так. Я однажды Варьке по лбу ею дала, так та с синяком ходила пару дней.

В лесу прохладно и тихо. Где-то высоко надо мной птички перекликаются на разные голоса. Солнце в зените, да не доходит сквозь кроны деревьев до меня его блеск, хорошо упрятана я от него.

Подойдя ближе, замедляю ход и прячусь за деревьями. Лес выглядит безопасным, по крайней мере, при свете дня. Из трубы валит дым, хозяева наверняка дома, только топить стали. Однако меня смущает количество людей у дома. Напуганные, поди. Такие, как я, особенные? Не нападут ли на выбежавшую из кустов девочку в мужском кафтане?

Выглядываю из-за своего укрытия и изучаю ребят. Восемь, кажется. Двое парней, остальные девки. Понабрали, значит, колдунов… И всех разных, к тому же. Девушки в большинстве своем русоволосые, лишь у двух волос темнее, но не угольный все же, а просто коричневый. У одних в волосах дорогие украшения, у других сарафаны расшиты по-

заморски, никогда не видела таких узоров — не завитушки или полосы. А у одной из них целый лес вышит на подоле. Она самая яркая и красивая. На ней чистый и добротный наряд.

— А ты чего следишь? — Чувствую, как за женским голосом следует болючий толчок в спину.

Я выпадаю из-за дерева и резко оборачиваюсь к виновнице моего будущего синяка.

— Присматриваюсь. — Пожимаю плечами и расслабляю кулаки.

Передо мной девушка в желтом цельнокроенном платье с белыми рукавами-фонариками. Она снисходительно мне улыбается.

— Пойдем. Надеюсь, ты последняя, а то мы уже проголодались! — Она берет меня за руку и нагло тащит к другим. Я послушно следую за незнакомкой.

Я машу рукой, кто-то делает это в ответ, кто-то просто кивает, но никто, несмотря на скверное настроение, не игнорирует.

— Я Христиана.

— Ольга, — отвечает девушка в красивых одеждах и лесом на подоле.

— А я Людмила. — Руки девушки, которая вытолкнула меня из-за кустов, ложатся мне на плечи. Она высовывает голову справа от моего лица и говорит чуть тише, чтобы не оглушить: — Ты извини, подумала, нечисть какая-то подгля-

дывает, а ты только приехала.

— Я Ратмир. — Парень с бараньими завитками на подбородке подходит ко мне и протягивает руку. Он выглядит старше других, от чего хочется сдружиться поскорее, чтобы помог в случае чего.

Я обхватываю его ладонь двумя руками и крепко пожимаю. Ему, наверное, как мне, лет двенадцать. Широкоплечий, мозоли от работы, кожа шелушится.

— Приятно познакомиться, — говорю и смотрю на ребят позади.

Они тушуются и переглядываются. Четверо отходят в сторону. В их четверке девчонки крайне похожи, как сестры, и кажется, будто они приехали из одного места.

— Они из столицы. — Ко мне идет последняя девушка, готовая познакомиться. — Я Дария. Вы все с другой стороны Хребта? — Мы переглядываемся и киваем.

Теперь нас две команды — столичные и приезжие. Одна Варвара обособленно держится, хоть и представилась. Красивая такая. Боится что ли, что обворуем ее? Наверняка также из Кости.

— Зачем мы здесь?— спрашиваю.

Они все, уверена, уже расспросили, что за «Избушка» такая диковинная. Дария тяжело вздыхает:

— Варвара сказала, мол, мы здесь учиться будем.

Я слежу взглядом за взором Дарии, она кивает на Избушку.

— Это Избушка Бабы Яги и…

— Бабы Яги?! — визжу я.

Людмила смеется, затыкая мой рот ладонью.

— Да, подруга. Ребят, кто из нас громче проорал ее имя после этой новости? — Девушка пытается пошутить, но, скосив взгляд, я вижу, как напряжено ее лицо. А желтое платье подчеркивает страх, он будто пятнами проступает на ее коже.

— Пока никто не выходил из Избушки, но Варвара рассказала, что говорят об этом доме в столице. Почетное место, много магии, нечисти и военная подготовка. Нас собрали, чтобы мы учились управлять своими силами, а после поступили на службу.

— А домой когда? — Не понимая мотивации царя на этот счет, уточняю я.

— Никогда. Ясно же. — Отрезает Людмила, отворачиваясь от нас.

Да, я не ошиблась, она не только напугана, но и зла больше всех. Ратмир подозрительно молчаливый и спокойный.

— Это ведь бред… — Я неуверенно осматриваю лица новых знакомых.

Хоть ребята молчат в ответ, надеюсь, в этом они ошибаются. Удержать меня здесь никто не сможет. Сегодня бежать смысла нет, а вот на днях можно попытаться. Окрепну, разузнаю все и убегу.

Скрип бьет каждого по ушам, как обухом по голове. Во-

семь человек, и я с ними, разом оборачиваются в сторону Избушки. Оттуда выходит женщина, сама черноволосая, но некоторые спутанные пряди переливаются зеленым и голубым. Бровей нет, зато глаза зеленющие, ей-Богу, как трава молоденькая. Она одета в черный сарафан, расшитый серебряными нитками узором в форме черепов, а в глазах — красным вышиты знаки Морены.

— Пошли-пошли! — Женщина машет рукой, выгоняя кого-то из Избы.

Я ожидаю, что сейчас на нас пойдет стадо овец, но начинают выбегать парни и девушки чуть старше нас. Они все в одинаковых одеяниях. Плотные льняные штаны красного цвета и черные рубашки с нашитыми эмблемами, видимо, этого места? Как отличительные знаки, указывающие на то, кому ребята принадлежат. Не могу рассмотреть, что на них нарисовано, далеко очень. На девушках поверх — короткие свободные юбки черного цвета, а рубашки беленькие, с узорами красными на воротнике и рукавах. Такое ощущение, что это не юбки, а платки, потому что на концах свисают кисточки. Странная форма.

— Так. Мальчик берет по мальчику. Девочки — вы тоже забираете по одной. Давайте, перваши в вашем распоряжении. — Яга машет рукой в сторону.

Я смотрю на нашу скромную компанию. Мы сами не заметили, как выстроились в ряд напротив Избушки. Некоторые ученики встают у фасада, садятся на траву, а с десяток вы-

ходят к нам и начинают пристально рассматривать. Не знаю, страшнее ли это, чем неизвестность. Но легче не становится.

Около меня останавливается русоволосая девушка. У нее толстая коса перекинута на правое плечо, челка, уложенная тоже направо, и красивые серьги. Голубые камни свисают с мочек, собираясь в мистическое изображение. Они контрастируют с цветом ее глаз.

— Что умеешь? — Мне не надо оборачиваться и проверять, со мной ли говорят. В голове мелькает мысль о том, что они кого-то и для чего-то выбирают. И тут загадка — надо оказаться лучше или хуже всех?

— Как все. — Скрещиваю руки на груди, и она бросает взгляд на мои руки.

Я ношу браслет из сердолика. Даже не знаю, редок ли этот камень здесь, но в наших краях его много, однако я так хорошо его обработала, словно он покупной.

— Ну да. — Девушка усмехается. — Как тебя зовут?

— Христиана. А тебя? — Я замечаю, что Ратмира по плечу ударяет рыжеволосый парень, они уходят вместе.

Богачку, как же ее… Точно, как сестру! Варвара. Ее тоже уводят.

— Елена. — Она откидывает косу назад и упирает руки в бока. — Итак. Ты с Бедных земель, тебя зовут Христиана, а еще камушками умеешь управлять, да? — Неохотно киваю, все-таки мне еще неведомо, стоит ли заводить здесь дружбу. По крайней мере, портить отношения точно не нужно. — А

мне браслетик сделать сможешь?

— Пожалуй. Коли сильно надо будет. Услуга за услугу, Елена. Ты мне все расскажешь, а я тебе браслет. — Я не вижу изменений на ее лице, вряд ли мое предложение хоть кого-то бы удивило.

Девушка довольно кивает и кивает в сторону. В мои руки ложится замызганный свиток. Я начинаю вертеть его и рассматривать.

— Что, читать не умеешь? — Видя, как я замешкалась, спрашивает она.

Киваю, и мы садимся в сторонке от других на траву. Некоторые пары поступают точно так же, видимо, так и надо.

— Тебе нужно заполнить это, чтобы учиться здесь. Распределят в класс по направлению твоей магии. Обычно к нам из столицы только приезжают, все умеют читать и писать, не повезло тебе. В два раза больше работы.

— Прочти, пожалуйста. — Пропускаю мимо ушей ее едкие и «между прочим» замечания да непрошенные советы.

Елена устало и лениво забирает у меня бумажку и зачитывает вопросы, а я командую, какой вариант ответа правильный.

Какой силой вы обладаете?

Управление температурами

Управление каменными, драгоценными и минеральными породами

Богатырская сила

Чутье в отношении природы

Умение влиять на погоду

Откуда вы?

Кость

Бедные земли

Провинциальные земли

Напишите имена всех ваших родственников: Варвара, Есения, Владимир.

Сколько вам полных лет: 12.

Как вы относитесь к царю Кащею Бессмертному?

Я не знаю, кто это…

Кем бы вы хотели стать в будущем?

Хорошим родителем

Воином

Служить царю

Работать в поле

Другое:

Хочу жить с мамой, папой и сестрой, доить Мурку и продавать молоко, выращивать цветы.

Какими навыками, помимо основного — магического, вы обладаете?

Никакими, я хочу домой.

Елена отрывает руку от свитка, записав за мной последнее слово. Я все время, неохотно отвечая на вопросы, рассматриваю женщину с разноцветными волосами и пытаюсь понять, как она их такими сделала. Неужели то, чем Варька

занимается, работает на самом деле? Она мне рассказывала, что хочет в рыжий волосы перекрасить при помощи зелья из репейника и…? Я ее даже не слушала.

— Готова? — Девушка возвращается ко мне, отдав свиток, и садится на траву, подогнув под себя ноги.

Я сижу, уперев пятки лаптей друг в дружку. Хочется откинуться на спину, лежать и смотреть на пики елей. Они высокие, закрывают от пекла. Откидываю голову назад и гляжу, как они уходят вверх, бесконечно и завораживающе.

— К чему я должна быть готова? К зачислению? — Не удерживаюсь и ложусь на мягкую траву. В ней прохладно, хоть прошедшим дождем и не пахнет.

— К испытанию. Ты действительно не понимаешь, что сейчас будет? — Елена тянет меня за руку, и я поддаюсь, садясь обратно на попу. Колени снова врозь, лапти вместе.

— Кто дальше прыгнет или быстрее пробежит? — предполагаю немного насмешливо.

Девушка удивленно выдыхает и скрещивает руки на груди.

А я продолжаю:

— У кого вкуснее пироги, и кто хозяйка лучше?

— Если бы так… — Ее лицо мрачнеет, и Елена прячет его в ладонях. — Так… Слушай, все здесь готовились к этому. — Она ожидает ответа, но я молчу. И тогда Елена разливается соловьем: — Когда вас привозят сюда, Яга устраивает игру, которую таковой даже назвать нельзя. Я тогда повре-

дила ключицу. — Она отодвигает край рубахи, и я вижу, что ее кость выпирает не в ту сторону.

Кажется, начинаю понимать, и ноги сами собой напрягаются, а волосы на затылке приподнимаются от страха.

— В общем, так как теперь наше царство — царство нечестивого царя, мы дружны с нечистью. Яга отправляет нас в лес играть в салки с Лешим. — В голове мелькает мысль о том, что направляться за ним категорически нельзя. — У него в руках мешок, снимающий с тебя проклятье. Вот мы с первашами поговорим, поможем подготовиться, и Яга на вас наложит проклятье.

— Елена… — Я встаю, но она усаживает меня обратно. — Я не буду участвовать. Никто не заставит меня делать это против воли, — раздраженно всплёскиваю руками в стороны, девушка отмахивается от меня и продолжает рассказ.

— Если ты не побежишь, то проклятье сработает. Каждого Яга проклинает по-особенному. Может, в зайца превратишься. Зависит от того, какой порок в твоей душе зреет. Я вот нос задирала, она мне ключицы и переломала. — Мои кости зудят, натягивая на себя кожу еще сильнее. Так и слышу, как намекают мне о том, что ни за что не дадут себя в обиду. — Кто первый у Лешего мешок заберет, тот и одержит верх да сухим из воды выберется. А забрать его можно, лишь разгадав загадку, он снимает проклятье — в мешке перетертая трава против заговоров. Если проклятье сработало, нужно добраться обратно до Избушки, но в этот раз прочая

нечисть будет тебя ловить, а Леший тропинку путать.

— Как ты вышла? Это ведь невозможно… — На моем лбу, несмотря на прохладу, проступает пот. — Нет… Елена, мне нельзя участвовать. Я не буду! — кричу шепотом, сжимая ладони в кулаки.

— Можешь попробовать сбежать, я помогу. — Ее глаза стреляют хитринкой, а губы украшает улыбка.

Как хорошо, что она меня выбрала. Не каждый готов пожертвовать положением и безопасностью, выводя из леса приезжую безымянную девку.

— А другие как? Может, хоть кого-то можно вытащить?

Я оглядываюсь на людей, которые в этой беде стали мне немного роднее, что ли. Жалко же их. Рассказали им про испытание, нет ли? Пока ни на одном лице я не вижу паники или ужаса. Столичные — понятно, они всё и так знали, но мои-то земляки, неужели от них скрыли?

— Не велено говорить. — Елена пожимает плечами. — Отдай мне свой браслет, и я тебя выведу. Это всё.

Хотелось спросить: «Ты только за браслет готова провернуть такую историю?», но мне как-то все равно. Если человек хочет подставить себя за браслет из обычного камушка, я не против.

Снимаю украшение с руки и отдаю ей. Елена надевает безделушку на запястье. У сестры остался такой же. Интересно, сохранит ли Варя мой браслет… Он из других камней, подороже, но, зная ее, она может толкнуть его кому-то, да и все.

— Сейчас она позовет вас, чтобы проклясть. Беги в лес куда глаза глядят, в сторону, откуда приехала. Ни в коем случае не в сторону Избушки — там нечисти тьма.

— Поняла. — Я встаю за Еленой, и мы смотрим, куда я могу убежать. А, нет, она с улыбкой разглядывает браслет.

Я могла бы поучаствовать, но это опасно. С загадками у меня плохо. Бегаю быстро, однако это не поможет догнать Лешего. Он заведет так далеко в лес, что я не выберусь. Объединиться с кем-то? С едва знакомыми людьми не выгодно. Мы могли бы вместе обсыпаться травой из мешка, но никаких шансов на то, что травы той хватит на несколько проклятий.

Елена подозрительно притихла.

Перевожу взгляд на Ягу и скрещиваю руки на груди. Она оборачивается, почуяв мой взгляд. Мы смотрим друг на друга не отрываясь, и Яга наклоняет голову вбок. К черту, я взгляд не отведу. А если она через взгляд проклятье передаст?! Мой взор падает ей в ноги, и я резко отворачиваюсь.

— Подойдите сюда! — Голос Яги знаменует исполнение нашего с Еленой умысла, но я не готова спасаться сама. Это нечестно. То, что она такая добрая, помогла мне, все равно вскроется, иначе как я бы все узнала?

Мне хочется крикнуть всем, чтобы они бежали, но я ловлю взгляд Елены, она кивком показывает, куда бежать, торопит. Подрываюсь и несусь в сторону, прочь отсюда. Хозяйка избушки не сразу замечает, что я убегаю. Она сосредоточена

на подходящих к ней детях, и только лишь усмотрев у стволов пятно сарафана, ведьма поднимает шум.

— Куда?! Стоять! — Ее крик доносится из-за деревьев, я успеваю шмыгнуть в заросли.

Лавируя между елями, внимательно гляжу под ноги и придерживаю сарафан.

— Догоните ее кто-нибудь! — отчетливо слышу приказ и ускоряюсь еще сильнее.

Из-за длинного подола ловкость притупляется, пару раз цепляюсь за стволы деревьев.

В зубах тлеет горечь, она обвязывает язык и начинает колоть верхнее нёбо, потому что я кусаю оковы на руках. Трава осыпается, но плотная леска между каменными кругами не раскусывается, а железный кругляшок не падает. Запястья красные от трения, но я продолжаю бежать, правда, медленнее.

— Оу! — резко торможу, и меня, как будто ветром, сдувает назад.

Я ударяюсь спиной о дерево и пытаюсь проморгаться. Стволы елей плывут перед глазами, я выставляю руки вперед, но только они на фоне круговерти из леса выглядят как обычно.

— Ой-ёй…

Мне становится плохо, я сгибаюсь пополам, чтобы выплюнуть то ли траву, то ли карусель в голове. Какая же я глупая — во время побега есть непонятную смесь… Хоть мой

поступок и оправдан необходимостью вернуть силы, не познав, что на моих запястьях, глупо это грызть.

Рвотные позывы останавливаются, так и не найдя выхода. Я сажусь на траве, забравшись под еловые ветви. Некоторые доходили до земли, создавая навес. Давлю пару поганок ногами и прячусь. Окончательно отпускает через пару минут. Глубоко вдыхаю аромат хвои. Глаза слипаются, хоть я и спала всю дорогу.

Погони не слышно. Я выхожу из укрытия и медленно, следя, на что ступаю, иду вперед. По ногам течет мокрый сок росы и раздавленных поганок. Надо найти водоем и помыться.

— Ау! — Я слышу голос сестры, и меня начинает трясти от ужаса. — Ау-ау-ау! — Варя слышится в разных частях леса.

Я хватаюсь за ближайший ствол дерева и понимаю, что не залезу на него, чтобы спрятаться. Укрытие под ветками ненадежное и бежать до него далековато.

Мы из, как их там в свитке назвали, Бедных земель, да? Мы одному наверняка научены — как от нечисти спасаться, потому что после того, как богатырей всех извели, она заполонила округу. На поле не поработать в обед — Полуденница приходит и скашивает нас, как коса сено. И то, что кричит мне «Ау!» — не моя сестра.

Никогда не идите на «ау!» в лесу, иначе куски тела вашего найдут захороненными в разных частях земли. По одной

конечности на каждую сторону. Поэтому надо прятаться — чтобы Леший не запутал, чтобы в лес за собой дальше не завел. А ведь некоторые еще и отвечают на его зов, дураки!

Я упираю голову в ствол и закрываю глаза. Надо выстоять, сделать вид, словно меня нет, ему станет скучно, и он, дай Святовит, отстанет. Многие из нечисти, как гласят легенды, лишь развлекаются с нами, смертными. Увидев, что мы слишком скучны, они отстают. А Леший — первый в списке весельчаков.

— Ау-у-у! — Совсем рядом. — Ау-у-у! — Еще ближе, будто за спиной.

Так хочется обернуться и посмотреть на него, но я делаю вид, будто меня нет, обнимаю ствол так, будто хочу слиться с деревом.

Уйди, уйди, уйди.

— Леший-Леший, отпусти, меня домой ты отведи, — начинаю твердить шепотом, чувствуя, как ветер — или ветки — трогают волосы.

Ощущение вторжения невыносимо. Хочется обернуться или убежать. Нельзя.

— Леший-Леший, царь лесной, проводи меня домой, — продолжаю и чувствую, как его влияние на меня ослабевает.

Голос Вари набатом бьет по ушам, как будто она, не переставая, долбит по железному корыту, чтобы я выглянула к ней в окно. «Ау», — кричат голосом Вари, его распевают, его стонут, что только Леший не делает, чтобы я повернулась. А

я только трясусь и шепчу:

— Твои владенья сохраню, ни листика я не сорву. Леший-Леший, царь лесной, пусти меня ты в дом родной.

Чья-то рука ложится мне на плечо, и я не сдерживаюсь: резко отпрыгиваю в сторону и бегу. Идея отвратительная. Но ноги сами уносят меня прочь, больше не могу. Сарафан задираю до пояса, по ногам хлещут сучья и ветки, которых раньше не было и быть не могло. Лес меняется на глазах, и я оказываюсь заперта в чаще. Ели пропадают за одним из стволов, я кручусь вокруг себя и встречаюсь взглядом с кустами и маленькими сосенками, низкими березками и осинами, рябиной. Вижу мухоморы и сыроежки. Все, я потерялась. Теперь точно.

Начинаю пробираться сквозь чащу медленнее, рассудительнее. подол спускаю чуть ниже: ноги все мокрые от листьев деревьев и кустов, которые даже дождь не поливал. А еще паутина налипла на ноги. Чистить некогда, едва успеваю убирать ее с лица, если врезаюсь, за ногами не уследишь.

В какой-то момент появляются мысли о том, что меня вынудили участвовать в играх с Лешим весьма изощренно. Как он оказался здесь, если Елена пообещала, что его не будет? Хотя откуда ей было знать, такая же зеленая, как и я… Только зря браслет отдала.

— А-а-а! — Мой крик разлетается по округе.

Я заваливаюсь назад, видя перед собой совсем рядом, впереди, три вытянутые черные фигуры. У одного парит лишь

нижняя часть туловища, рваная, черная, с нее капает гной. От всех фигур воняет разложением. Две другие стоят на небольшом расстоянии, их глаза поблескивают белым, а из бесформенных голов торчат палки. То ли это ветки, то ли острые ветвистые и длинные рога. Мы смотрим друг на друга, возвращается головокружение.

— О-о-о… — Не в силах безмолвно терпеть это, я пытаюсь говорить.

Кручу одной ладонью перед собой, другой упираясь в землю за спиной. Круговорот существ с рогами, стволов деревьев превращает мой желудок воспаленный тугой узел. Я вращаю глазами. Рукой машу изо всех сил, стараясь выровнять пространство, но оно превращается в смесь бежевого среди черного, зеленого и коричневого. Я теряю сознание.

***

Первое, что я вижу, когда открываю веки, отклеивая их друг от друга, — это зеленющие радужки. Они прорастают сквозь пространство и столбом света впиваются в меня, плывут и единственные выделяются на фоне смазанного лица.

— Поганочка моя… — Знакомый голос, меня прижимают к телу.

Женская грудь упирается в мою, я чувствую, как пахнет одежда колдуньи — баня, лес, а еще масляное что-то, кисловатое. — Что ж такое делается с вами. Царя на вас нет, иди-

оты! — Это явно не мне, женщина говорит, отвернувшись.

Черты лица прорисовываются, взгляд быстрым толчком сосредотачивается, и я вижу реальность, чувствую телом, где нахожусь. Это крыльцо избушки, я вижу узорчатый карниз над головой и паутину в углах. Баба Яга смотрит на бестолочей, своих учеников, а моя голова покоится у нее на коленях, поддерживаемая левой рукой. Чувствую ее острые ногти в опасной близости от моих глаз.

— Елена, сюда! — Я прикрываю глаза. Уже стемнело, но мне все равно слишком светло от жара огня. — А ну-ка подошла сюда, засранка белобрысая! — По скрипу досок слышу, как девушка спешно поднимается к нам.

Мне должно быть страшно от того, что сбежать не удалось, меня ждет кара проклятья, но на коленях колдуньи так безмятежно, что хочется подольше делать вид недомогающей жертвы. Я впала в милость?

— Не я это. — Голос Елены изменился.

Высокомерие и ощущение того, что она здесь единственная самая умная, так и льется из ее интонации.

— Варежку свою закрыла, поганка недорослая. Еще взрослым тут будет дерзить! — Хребет Хребтом, а ругают детей везде одинаково, да уж. Поднимаюсь и сажусь на лавочке под заинтересованными взглядами Елены и Бабы Яги. На ребят внизу Избушки даже не решаюсь смотреть. Кому там что переломали из-за моего молчания… Я не в силах видеть.

— Она помочь хотела. Не надо. — Со вздохом, тихо, хрипловато выдавливаю из себя. Как же тяжко мне дается правда… — Спасибо тебе. — Я поднимаю взгляд на Елену. Она совершенно не похожа на ту, что была утром. У этой мерзкое лицо с острыми чертами. Видимо, сильно ей досталось. Обиделась. — Если бы не Леший, я бы выбралась.

— Дуреха. — Яга легонько шлепает меня по затылку.

Морщусь от неприятных ощущений и смотрю на колдунью.

— Чогось? Совсем глупенькая, да? Она тебе лапши на уши навешала, а ты дёру дала в лес. Совсем безмозглая, что ли?

Я перевожу взгляд на Елену, та смотрит в лес.

— Елена? — Я спрашиваю у нее, желая, чтобы она сама все рассказала, но девушка молчит.

— Еще чего — скажет она тебе. Да, Ленка? Опять маленьких Лешему на обед отправляешь? — Баба Яга кладет руку мне на плечо и придвигается ближе, чтобы обнять. Я боюсь, стесняюсь, но прижимаюсь к ней, как воробушек. Мне не хватает поддержки, я хочу поплакать и к маме… От мысли о семье на глазах наворачиваются слезы, голова косит в сторону и прячется в изгибе руки женщины.

— Ну а почему вы мою комнату поделили?! Я жила одна, год учебы остался! Зачем мне первогодку подселять?! — Елена взрывается и вываливает все на повышенных тонах.

Рука Яги ложится мне на голову, приглаживая волосы.

— Пошла вон отсюда, — спокойным голосом командует женщина. Елена, что странно, не пытается спорить, она по-женски рычит и идет в сторону Избушки.

— И мелкую забери. Давай-давай! Делай, что сказала, или домой отправлю, Елена, — слышу очередной рык, отрываюсь от Яги и вижу, что девушка стоит к нам спиной, сжимая кулаки.

— Пойдем. — Елена зовет меня, не оборачиваясь. Я встаю, но смотрю на женщину.

— А можно мне с вами? — Стыд облепляет глотку, голос застревает посередине, прибивается неловкостью. Яга по-родительски улыбается и молчаливо качает головой.

— Ладно… Спасибо… — До сих пор не до конца понимая, как выжила, иду за Еленой.

— Давай быстрей. — Недовольный голос девушки не помогает мне ускориться.

Как только я закрываю дверь в дом, перед глазами вновь все плывет.

— Оно опять! — Я вжимаюсь в угол между стеной и какой-то мебелью, кажется, это деревянный сундук. Спасибо, что не кипящая или горящая печь. Могла бы напороться на что-то острое, но все равно без разбору опираюсь спиной на бревна стены.

— Плывет, ёлки… — закрываю глаза, прикрываю их ладонями. Бью по надбровным дугам.

— Это от того, что ты попадаешь в другую часть мира.

Только с виду она Избушка. — Несмотря на нашу недомолвку, Елена объясняет спокойно. — А внутри целая академия магии. Вставай давай, уже пройти должно. Так только в первый раз.

Подчиняюсь ей и вижу, что пространство меняет облик.

— Ёк-макарёк… — папина любимая фраза вырывается сама по себе, когда я вижу перед собой пол, устланный не деревом, а благородным белым камнем с черными извилистыми прожилками.

Я ощущаю его вибрации и то, как он молниями бросает в мои руки свою силу. Только сейчас замечаю, что браслеты с меня сняли.

У каждого камня своя энергетика, к каждому индивидуальный подход… Такой я ни разу не встречала. Мы знакомимся, очень тщательно, изучая друг друга. Я слышу, как он звучит — тяжелые трубные звуки, крики животных. Тяжело, изысканно.

— Ну, вставай уже! — Елена закатывает глаза и дает мне руку. Я встаю сама, и мы идем дальше.

Пол не из дерева и высокие стены ему в цвет, колонны. В центре, среди небольшого сада незнакомых растений странного вида углубление в полу, а в нем прозрачная вода. На другом конце неглубокой впадины с водой вижу красивые водоросли. У нас у берега реки много всякого — и тина, и водоросли поганые, в которых постоянно путаешься, еще и цветут от жары, а эти — разноцветные, красивые такие…

Мы идем вперед и заходим в высокую арку. Я постоянно верчусь, чтобы все рассмотреть. Людей внутри нет, все на улице. Тихо. Только эхо от наших с Еленой шагов раздается. Вдалеке виднеется лестница. Сероватый камень перекликается с черными перилами и вензелями, в них не спрятано имя Яги, я узнала буквы — ЦКБ, царь Кащей Бессмертный. Эти буквы я видела в письмах к родным. Я догадываюсь, что именно его лики вижу повсюду. Недалеко от водоема высеченным из камня замечаю что-то похожее на образ человека в короне, и теперь, поднимаясь по лестнице, вижу, что каменные головы, повернутые в разные стороны, с такой же короной, это Царь. Тот, которого в наших землях недолюбливают, а здесь боготворят. Ягу можно понять, она ведь нечисть… Интересно, какая она в гневе и что может? Правда ли все, что про нее говорят? Колдунья она? Леший казался менее дружелюбным, если это вообще был он.

Мы попадаем в длинный коридор, его освещают шары, висящие под потолком и светящиеся красноватым светом. Стенки шаров просвечивают, и сквозь магическую рябь я отчетливо вижу звездное небо над огненными светлячками.

Елена открывает дверь в комнату, я не вижу, что она останавливается, и налетаю на нее. Она хватает меня за руку, болюче впиваясь в локоть, и вталкивает внутрь. Слышу, как запирается дверь. Елена через голову стягивает сарафан.

— Мне плевать, — говорит, — что тебя ко мне определили. Как только представится возможность, я тебя выселю.

Я сажусь на пустующую кровать. На кровати Елены пестрое одеяло красно-зеленого цвета, наверняка не сама шила, игрушки. Над кроватью до шкафа протянута веревка, а на ней болтаются сушеные грибы.

— Браслет верни. — Игнорируя вышесказанное, выставляю руку и жду, когда в него положат украшение.

Елена поворачивается и смотрит на меня таким взглядом, словно это она мне его подарила.

— Что слышала. Браслет верни, царевна недоделанная. — Предупреждая ее вопрос «Чё?!», опережаю ответом.

Елена стягивает украшение, явно стараясь порвать леску, но она не рвется. Тогда она бросает мне браслет прямо в лицо. Я ловко ловлю его.

— Еще раз так сделаешь, я все расскажу.

— Ну иди-иди, давай, наябедничай. — Девушка кривляется, я — в ответ. Надев браслет на руку, скрещиваю руки на груди.

— Учитывая то, что в твои прямые обязанности входит помочь мне освоиться здесь, а ты увиливаешь… Хм… Ты не выполняешь обязанности и отлыниваешь от работы — это не ябедничество. У нас бы тебя за такое уже чем-нибудь взрослые огрели. Но Яга тебя просто домой отправит. Так что заткнись и делай, что велели. Я могу быть полезна, если надо.

Ее взгляд меняется после моих слов. Возможно, в голове рождается задумка по использованию меня, но я не дамся. Разузнаю все об академии, пойму, что им от меня надо, и

тогда… Тогда я буду готова этому противостоять.

— Как скажешь, Христя. — Ох, так меня еще никто не называл.

Варька обычно обзывала Хрюшей. Христя даже не так обидно…

Когда же мы с тобой увидимся, Вруша?

Хрюша и Вруша… Нет, мы наверняка будем вместе. Не может быть, что я здесь навсегда, а ты там.

— Христиана. И точка.

Елена ложится в постель, открыв шторы, чтобы комнату залил лунный свет. Так странно — снаружи как терем, коридоры заморские, каменные, как во дворцах не бывает! И комнаты как в богатых домах: настоящие кровати, подушки из перьев, ковер на стене…

Я бросаю грязный сарафан под кровать, готовлюсь ложиться в белье, грязная, но вижу на стуле сменную одежду и небольшое корыто для умывания. Елена молчит какое-то время, отвернувшись к стене. Мне кажется, что она уснула, я тихо умываюсь и переодеваюсь. Кровать лишь слегка издает скрип, когда я ложусь и поворачиваюсь к стене.

— Чтоб тебя Домовой ночью сожрал, Христя, — выплевывает девушка, а я в ответ подскакиваю и выливаю на нее воду из ведра, которой умывалась.

На крик прибегает Яга. Думаю, нам еще долго уживаться с этой царевной.

Глава 3. Варвара

В этой тишине слышно только то, как муха надоедливо жужжит да об окно бьется. Хочется сказать ей лишь одно: не судьба, моя непоседливая подружка, но вряд ли она сможет понять меня.

Деревянная расписная ложка в моей руке шаркает по дну тарелки. Я делаю это не специально, просто не могу перестать делать хоть что-то. Все внутри сжимается от предвкушения крика мамы прекратить действовать ей на нервы.

Ни мама, ни папа не едят со мной. Мама сидит на печи, отсюда мне видно только ее ноги, скрытые под серым сарафаном и красно-белым фартуком. Папа лежит чуть ниже уровня стола, на застеленной скамье, мне не видно его лица, да и не особо хочется знать, о чем он думает. Мне самой не по себе. Он приехал другим, и теперь мне страшно делиться с ним своими проблемами. У него заросло лицо, и он стал похож на медведя! Мне всегда нравилось, что у моего папы нет бороды, но за время работы на ярмарке он зачем-то решил ее отрастить… Мама еще сказала: «Тебе так идет!» Ага, как же!

Я постоянно бросаю взгляд на браслет. Христиана словно чувствовала, что ее сегодня заберут. Хотя если знала, почему пошла гулять с соседскими, а не осталась сидеть со мной? Вряд ли знала, просто так совпало…

— А у тебя как дела, Варька? — вдруг спрашивает отец, и я роняю ложку прямо в суп, брызги летят на стол и пачкают рукава моей белой рубахи, но родители не ругают.

— У меня? — Я закусываю губы и смотрю на свои руки, сжавшие подол сарафана. — Пока ты не пришел, меня не кормили. — Я решаю пожаловаться на маму, однако та совсем не реагирует на мою попытку.

— Значит, было за что, да? — Папа садится и улыбается мне, я мельком замечаю его уставшее, фальшиво-бодрое лицо. — Мы с тобой так редко видимся, ты бы хоть что-то мне про себя рассказала. — Из-за его светлых голубых глаз, от которых я отвыкла за несколько месяцев, борода не кажется такой уж противной.

— Ваня, не надо, — вставляет мама, и я не сдерживаю ухмылку. Папа внимательно смотрит на меня и поджимает губы.

— Почему не надо, Сень? — Он смотрит на нее, а я стараюсь незаметно поглядывать сразу на обоих.

— Потому что в голове шелуха одна, забила себе в голову, что ведьма, вот и беду на наш дом накликала. — Голос мамы звучит совсем глухо. Она стягивает полотенце, висящее до этого на плече, и кидает его вниз, на спинку стула.

— Если Христиана ведьма, значит, я тоже.

— Она не ведьма, Варя. — Отец тяжело вздыхает, и я закусываю щеку. Как-то боязно говорить мне с ним, не то еще отхвачу за то, что умничаю много…

— А… — Несмотря на страх перед папиным ремнем, я все равно хочу с ним обсудить все, что сегодня произошло.

— Ну давай, не молчи. — Разрешает он.

— А вот почему меня тоже не взяли, пап? — Я встаю из-за стола и падаю на скамейку рядом с ним. Он легким движением хватаем меня подмышки и пересаживает к себе на колени. — Ну скажи правду. — Прошу я, обнимая его за шею. Папа прижимает меня к себе, аккуратно так, совсем не как Христиана, которая порой, кажется, пытается выдавить что-то из моего нутра.

— Ну как тебе сказать… — чувствую, как его рука гладит меня по голове, — силы у нее необычные появились. Она тебе же не говорила, да? — Я отрицательно качаю головой, — Ну вот, запретил я ей рассказывать, так что не обижайся на сестру. Опасно это все было, а они все равно, шельмы, узнали!

— А она теперь с Кащеем будет жить? — Папа молчит. — А Кащей — это вместо Ильи Красно-Солнышко? — Папа смотрит куда-то поверх моей головы, на маму, наверное, поэтому я дергаю его за рукав рубашки, чтобы он не отвлекался. — Ну скажи-и-и! Кто такой Кащей Бессмертный?

— Иди спать, Варька, не доросла ты еще до таких разговоров. — Он наклоняется к моему лицу, и в воздухе раздается звучный «чмок» от его поцелуя в мою щеку. Я кривлюсь от колющего ощущения на коже. Фу, какая противная борода! Папа смеется. — Обещаю, я все расскажу, как только тебе

исполнится пятнадцать лет. И про нового царя, и про Илью Красно-Солнышко.

Я хмурюсь и выставляю вперед руки. Десять пальцев на двух, мне десять пальцев плюс два, это двенадцать, а пятнадцать — это еще три воображаемых пальца! Как много!

— А Христиана приедет завтра?

— Нет, — вместо папы отвечает мама, и я спрыгиваю с отцовских колен и иду к ней.

— А послезавтра?

— Варя, не донимай маму, она себя плохо чувствует.

— Ну а когда она вернется? Они сказали, что привезут Хрюшу обратно, это через несколько дней будет? Или месяцев? До пятнадцати лет она приедет? — Я дергаю маму за ногу, а она прячет лицо за ладонями и всхлипывает. — Мам… — я тяну ее за подол сарафана, но она не отвечает, — ну, мам! Что я вам такого сделала?

— Так, иди спать. — Папа кряхтит от усталости, но встает. Его руки ложатся мне на плечи.

— Пап, я не хотела ее обижать, не надо меня наказывать! — выворачиваюсь из его объятий, но он хватает меня за руку и ведет к сеням.

— Знаю-знаю, — в темноте перестаю видеть, однако иду вперед, к комнате, — просто день сегодня такой, без… солнца. Безбожный. Понимаешь?

— А ты можешь сказать маме, что я не хотела, чтобы она плакала? — Папа кивает и заводит меня в комнату.

— Могу. — Он зажигает свечу, стоящую на столе, и убирает одеяло к изножью кровати, готовя для меня постель.

Я забираюсь на кровать и встаю на ноги, чтобы быть с папой одного роста. Обнимаю его за шею и наклоняюсь к уху, чтобы прошептать:

— Иначе она завтра от меня сушки спрячет, а я очень их хочу, — в ответ папа целует меня в щеку и поднимает на руки, — а ты привезешь еще сушек с маком?

— На следующей неделе на ярмарку поеду в Березу, привезу тебе.

— А с тобой можно? — Он отрицательно качает головой. — Ну а вдруг там Христиана будет? Я помогу тебе ее найти! — Папа улыбается и осторожно опускает меня на кровать. — Эй, я еще не собираюсь спать! Не в сарафане же!

— Христиана сейчас… — Он садится рядом и поправляет задравшуюся юбку сарафана, — она учится, Варь. Ты подожди ее, и она приедет. — Открываю рот, чтобы снова задать самый главный вопрос: «Когда?!», но папа не дает договорить. — Не скоро, Варюш, но ты подожди ее, ладно? Время быстро пролетит.

— Ладно… — Я пожимаю плечами и смотрю, как он встает с кровати и уходит из комнаты. Слышу: плотно закрывает дверь, с усилием, ведь в нашей комнате дверная рама давно разболталась, приходится приподнимать саму дверь, чтобы закрыть ее, потом он завешивает сени, делящие мою комнату от их, это ясно по дребезжащему звуку натянутой лески,

на которой висит кружевная занавеска.

По потолку пляшут тени от огарка свечи. Без сестры засыпать непривычно, а ночевать одной вообще страшно. Я бегу к шкафу, чтобы переодеться в ночнушку. Папа так хорошо меня закрыл, что я не слышу их с мамой разговора, зато завывания ветра на улице — достаточно отчетливо. Останавливаюсь у окна, прежде чем лечь спать, смотрю на коровник Остолопки, отсюда видно, как она отмахивается от мух хвостом. Ну хоть что-то неизменно в этом доме — корова никуда от нас не денется.

Я забираюсь под одеяло и прижимаю браслет к щеке. В полудреме я даже как будто слышу голос сестры, ее смех…

***

Как оказалось, Христиана сбывала на ярмарке в соседнем городе камни, которые создавала. Мама случайно проговорилась на днях. От горя или обиды, точно не знаю, однако теперь я знаю, что отец тайно ходил с ней на ярмарку, и сестра превращала камни в драгоценности на потеху людям, там «незнакомку, скрывающую лицо» нарекли Жи́вой[1], ее продолжением или ребенком. Даже не знаю, что почувствовала, когда узнала это, — ревность, недовольство, зависть, горе? Христиана молчала столько времени — у нее в запасе было столько ночей, которые мы справляли за играми, столько

[1] Жива — языческое существо, в народе ассоциирующееся с плодородием и способностью создавать драгоценности, облагораживать любые предметы.

дней и много случаев! Но она не сказала! И папа меня с собой не позвал, а я ведь думала: мы втроем — лучшие друзья! Знала бы я это раньше, не стала бы целовать на прощание, когда он уезжал на заработки.

И хоть на один голодный рот в доме стало меньше, через месяц мы недоедали. Больше всех ела мама, меня почти не кормили. Она пыталась что-то отдать мне, но отец ей запрещал: мы с ним перебьемся, а ей выздоравливать нужно. Может, я с ним и согласна, но маме впроголодь дома не так уж и сложно было бы сидеть, в отличие от нас с ним, работяг. Я переняла заботы Христианы, работы стало вдвое больше — теперь все хозяйство в лице коровы Осталопки, петуха и трех куриц было моим. За ними нужно было прибирать, корову постоянно доить. Я не тем ее покормила однажды, и она совсем расслабилась, несколько дней игнорировала мои попытки подергать за вымя. Я чуть не отхватила хвостом по лицу.

Родители сначала хотели сказать всем, что меня забрали, ведьму недоделанную, а потом выдать за любимую Христиану, за это от меня они получили фигу. А я — пощечину. Щека перестала болеть уже через три часа, так что ничего страшного. Ужаснее то, что Христиану забрали во дворец, на пытки! Прошло так много дней, что мне не хватит пальцев на ногах и руках сосчитать! А они до сих пор не отправились ее вызволять. Так что у меня есть только один выход: я найду Бабу Ягу, выучусь… И отыщу способ вытащить сестричку,

раз родители забыли про нее.

В этот раз папа уехал аж на месяц, поэтому я наконец могу свободно гулять по деревне. Мама меня не остановит, и мы обе это знаем.

Перекатывая в руках зеленое яблоко, не решаюсь откусить. Я сорвала его тайком в соседском саду. Не знаю, как так вышло. То, что я начала брать вещи, лежащие «не на своем месте». В общем, воровать… Стыжусь этого, думаю ночами, но стоит в толпе мелькнуть легкодоступной еде или монете, я их краду. Еще никто в деревне не догадался, что воришка — Варька из пятой избы, но за эту неделю я уже украла три яблока, пять сдобных булочек и три монеты. Скоро поймут. Надо или бегать в соседнюю деревню, где отоваривалась и торговала Христиана, или завязывать. Мама мне вряд ли что-то сделает, а вот папа отхлестать может. Еще и по дворам разнесут сплетни. Тогда со мной даже тайно никто дружить не будет. И так-то мне играть не с кем.

Я сижу на пустой бочке недалеко от площади, куда люди выходят торговать. Небольшой рыночек с навесами из провисших тканей в заплатках или вовсе на солнцепеке: кто что собрал, как говорится. Я ищу работу, чтобы отложить денег для путешествия: мне надо искать сестру. Как только начнут опадать листья, я отправлюсь в путь.

Сегодня я в платье Христианы, оно василькового цвета с синим поясом под грудью. Раз она уехала, наряды ей ни к чему, и многие, кто не знает, что сестра укатила познавать

магические науки, путают меня с ней.

— Хотите судьбу свою узнать, тетя? — Я машу проходящей мимо меня женщине в толпе, она щурится: ее слепит солнце. Или это ты, бог войны? Запрещаешь мне сеять смуту в своих владениях? Мы ведь с тобой едва ли чем-то отличаемся, скоро стану такой, как ты. — Не стесняйтесь, я все могу про вас узнать.

— Варька? Ты что ли? — Она подходит ко мне и хватает за ухо. Неожиданно и резко. — Дуреха мелкая, а ну-ка, к родителям тебя отведу!

— Н-не надо! — от боли начинаю блеять и пытаюсь отцепить ее руку от уха. — Тётя, я пошутила!

Она толкает меня вперед и угрожающе выставляет указательный палец. Ухо горит, она растерла его до красноты.

— Еще раз поймаю за руку за хворожбой твоей поганой — все расскажу. Пошла вон с площади! Не дай Богу тебя увидеть, ведьма проклятая!

Убегаю, прежде чем она в меня чем-то бросит, сбавляю темп на повороте, чтобы не привлекать внимание. Прячусь под уцелевшим крыльцом одного из домов, сгоревших в засуху в прошлом году.

Оно дряхлое, черное, и едва ли меня скрывает, но люди слишком заняты собой, чтобы меня заметить. Отворачиваюсь к стенке, впиваюсь пальцами в доски и плачу. Тихо, как мышь. Я часто плачу, и Христиана всегда рядом в такие моменты. Только сестра понимала мои увлечения, лишь она од-

на не сказала бы мне — «ведьма поганая». А я ведь даже не ведьма пока что… Почему вы все их так ненавидите, люди? Это ведь должно быть мечтой каждого — творить чудеса! Спасать от несправедливости, лечить, в конце концов, чтобы у вас у всех было все одинаково, а не так, как сейчас — одному пирог, а другому крошка.

Раз Боги не справляются… помогать им надо, да?

Я приоткрываю глаза, за занавесом слез древесина расплывается, но вижу, как почернели подушечки моих пальцев. В беспамятстве от истерики ковыряю доски и надеюсь на то, что меня найдет мама. Плевать, что она почти из дома не выходит уже несколько лет. Она ведь мама, должна почувствовать, что я тут прячусь и мне плохо. Пусть заберет домой…

— Эй, кто в домике живет? Можно в гости? — Я резко вытираю слезы краями рубахи и выпрямляюсь, чтобы не выдать, насколько низко пала с пьедестала каменная и непробиваемая Варвара. — Ой, а что это ты в такой солнечный день плачешь? Неужели не знаешь, что за это будет?

Оборачиваюсь на голос. Молодой парень с приятным лицом. У него нет бороды, только легкая щетина и карие глаза, а волосы цвета тлеющего дуба. От него пахнет елкой, еще чем-то таким сладким, даже немного приторным. Глаза впалые, под ними круги, как будто не выспался, а кожа бледная, как упыриная. Это нечисть ко мне явилась?! Никогда не видела этого парня в нашей деревне.

— Что будет? — Я сажусь на пыльную землю и облокачиваюсь спиной на доски.

Он опускается рядом на колени и вытирает слезы с моих щек длинными пальцами. Глаза большущие, как у совы. Или это от слез все вижу увеличенно?

— Боги все видят. Солнце на нас смотрит глазами Ярила всемогущего, он нам на счастье такой теплый денек создал, всю ночь старался — ткал солнечное полотно, а ты себе плакать в такой день позволяешь.

Я молчу. Проверка какая-то от общества нашего? Верю ли я в других Богов? Предала ли нашего? Хотя Ярило знать можно, это за нечисть ругают.

— Лучше бы сидела да грелась на солнышке, — добавляет он.

— А я и грелась, меня тетка противная прогнала! — в сердцах повышаю голос и неуверенно увожу взгляд в сторону, неловко обнимая себя руками. — Я на площади сидела, никого не трогала.

— Вот так просто взяла и погнала? Чего ж ты не сказала, что всем на площади сидеть можно?

Я не отвечаю. Слышу, как он красиво смеется, легко и бархатисто. Его рука касается моего подбородка и поднимает.

— Врушка ты, да?

— Не врушка я. — Перед глазами появляется лицо сестры. Я только ее врушка и ничья больше! — Отстань от меня,

чего привязался вообще? Это мое место, я первая нашла! — Я толкаю его в грудь, и он приподнимает руки, мол, сдаюсь.

— Хорошо-хорошо, тайное место остается при тебе, ведьмочка.

Меня передергивает от прозвища. Неужели прознал обо мне?

— Я поиграть к тебе присел, думал, загрустила одна. Как звать-то тебя?

— Варя. — Я не смотрю ему в глаза, разглядываю грязь на подоле платья.

Хрюшка бы меня убила… да мама, наверное, первая это сделает – опять я все «засрала»! Ну ничего, отстираю быстрее, чем она об этом узнает.

— А вам не поздно играть? То есть… тебе сколько лет? Вырос давно поди.

Он выглядит лет на двадцать! Хотя возраст выдают лишь несколько морщинок на лбу, под глазами да над губами. Худое лицо и острые скулы молодят его своей болезненностью.

— Варя… — Он игнорирует мой вопрос, и я почему-то не повторяю.

Может, он хочет найти друга?

— Будешь дружить? — предлагаю я. Парень поворачивает голову в мою сторону и вопросительно приподнимает брови. — Я живу в пятом доме на улице у реки. В гости не приходи, у меня родители злые, но окно у меня низкое, я всегда оттуда прыгаю ночью гулять. Давай на речку сходим, как солнце

спрячется?

Он подозрительно немногословен после моего предложения, но кивает. Наверное, я его смущаю! Девки постарше обзавидуются, когда узнают, кто согласился со мной дружить, а Светка вообще помрет.

— Я приду на закате и брошу в окно камешек, Варя.

Я довольно киваю и протягиваю ему руку, совсем как парни из деревни. Парень улыбается и пожимает огромной ладонью мою, детскую.

— Ты больше не плачь, договорились?

— Договорились.

Он выбирается из нашего тайного места.

— Ой. А как тебя зовут? Стой! — Я выпрыгиваю из-под лестница, схватившись рукой за навес, уличная пристройка осыпается, и я чувствую, как копоть садится на нос. Парень прячет руки в карманы и лениво оборачивается на пятках. Волосы от легкого ветра лезут ему в лицо, и он откидывает их движением головы. Только сейчас замечаю, что на рубаху в такую жаркую погоду накинул черную ткань, всю драную…

— Миша. — Он тянет край губ в мягкой, паточной улыбке и кивает мне на прощание.

Я озадаченно смотрю ему вслед и почесываю голову. Надо помыться перед прогулкой.

***

Мы приходим к озеру, когда от деревни остаются лишь

огоньки в окнах. Хоть глаз выколи, настолько темно, но я не подаю виду, что боюсь. Не признаваться ведь, что я еще никогда одна так далеко от дома в ночь не уходила. Да и с отцом все как-то по-другому было, мы из деревни-то дальше околицы с ним в сумерки не ступали, а тут…

— Что, замерзла? — Миша резко поворачивается ко мне и продолжает спиной идти к озеру по дороге. Руки держит в карманах, и одежда натягивается, делая его фигуру совсем тощей. — Хочешь, могу дать? — Он показывает на накидку. Я едва различаю его силуэт.

— Мне не холодно, — бросаю, как можно небрежнее, и тоже хочу спрятаться руки в карманы, но у меня их нет.

Когда мама везде свечи погасила и наш дом погрузился в дрему, я вытащила из-под кровати припрятанное нарядное платье голубого цвета. Христиана надевала его по праздникам. На подоле вдоль синей каймы вышиты васильки, а на рукавах затейливый орнамент из кропотливо браных узоров. Но, к сожалению, за этой красотой никакого удобства.

— Так не пойдет, Варь. — Мишин голос доносится откуда-то сверху, я понимаю, что иду, смотря под ноги да уже, кажись, даже носом клюю: глаза слипаются, а под веками жжет, как будто через несколько минут мои «прекрасные лазурные очи», как говорит папа, совсем высохнут. Знать бы еще, что такое «лазурные»…

Тру глаза кулачками и поднимаю на Мишу взгляд.

— Что не пойдет?

— Мы пошли гулять, чтобы ты всю дорогу молчала и даже вокруг себя не смотрела? — Он наклоняется надо мной, а я еле сдерживаюсь, чтобы не вжать шею в плечи, как напуганный гусенок.

— Да я… — не в силах найти оправданий, потупляю взгляд и хватаюсь за юбку сарафана, — мне просто немного неловко, вот и все.

— А в домике ты казалась мне смелой и дерзкой, — слышу, как он усмехается, слышу шарканье по мелким камушкам: Миша идет дальше, — кстати, тебе лет-то сколько, Варь? — Он не оборачивается, и я нерешительно волокусь за ним.

Деревня с каждым шагом все дальше. А если мама решит проверить, сплю ли я? Именно сегодня она проснется от жажды, к примеру, схватится за палку, нальет из кувшина воды прямо себе в горло, оботрет рот рукавом ночной рубахи и пойдет прямо ко мне в комнату!

— Что, секрет? — спрашивает он. Я улыбаюсь одним уголком губ от неловкости, — о, мне надо угадать? — Он понимает мою полуулыбку по-своему. — Тебе семнадцать?

Было бы мне семнадцать, я бы не гуляла с ним. И неужели я настолько взросло выгляжу, чтобы он так подумал? Это же прекрасно! Может, и не говорить ему, сколько мне на самом деле лет? Тогда и отношение совсем другое будет к тому, что я тут дрожу, как банный лист…

— Четырнадцать? — Он щурится и скрещивает руки на

груди, останавливаясь.

Отсюда за спиной Миши мне открывается вид на озеро, освещенное лунным светом. Вода почти черная, вокруг водоема что-то шелестит — наверняка эти высокие колосья: утром сухие, почти мертвые, сейчас они кажутся плотными, как веревки, которые в любой момент могут схватить за ноги!

Я вздрагиваю от прозвучавшего над ухом стрекочущего звука. Сверчки сопровождали нас всю дорогу, но здесь, у воды, я слышу их еще отчетливее, и пока Миша молчаливо смотрит на меня, кажется, будто сверчки не стрекочут, а кричат! Они вопят, трещат, они…

— Пятнадцать, что ли?

— Мне тринадцать недавно исполнилось, — признаюсь я, но на лице Миши не отражается разочарование.

Однако он долго молчит, и меня это напрягает, даже пугает, потому что здесь его не освещает ничего, кроме звездного неба.

Глаза его совсем почернели, превратились в два провала или водоворота. Челка закрыла пол-лица, и взгляд стал пристальнее, чем у обычного человека.

— А тебе сколько лет? — дабы заполнить повисшее между нами молчание, раньше не волновавшее меня, спрашиваю я.

Миша стремительно движется вперед, как поток воздуха, как пыль, поднявшаяся после того, как по дороге проскакала

лошадь, как туман, вздыбившийся с утра над водой…

— Эй! — Я выставляю руки вперед, и он останавливается. — Ты чего?

От того, насколько здесь мрачно, меня охватывает животный страх из-за оглушительного стрекота сверчков, неловко из-за Миши, мне вдруг хочется плакать. Я не понимаю, что сейчас натягивается между нами: как будто воздух накаляется и меня бросает в жар…

Мне так хотелось выглядеть в чьих-то невидимых глазах независимой без Христианы…

Нужной.

Особенной.

Интересной.

В общем… как она, что ли?

Но Миша — это персонаж из неизвестной мне сказки, который прямо сейчас ведет меня к озеру посреди ночи.

— Не кричи. — Он вытягивает руку, и оказывается, что я не так уж и далеко от него стою, потому что он дотрагивается до моих губ, приставляя к ним свой длиннющий, как палка, палец.

Я сдуваю его, отчего-то боясь пошевелиться и дать ему оплеуху или хотя бы по рукам! Как будто стоит мне это сделать, и Миша сразу обратится в черта.

А если он действительно нечистая сила, за которой я добровольно пошла ночью из дома? Так ведь во всех сказках и бывает!

Оступаю, чтобы развернуться и убежать, но Миша хватает меня за запястье и становится вплотную, а в мой нос ударяется что-то пушистое, резко пахнущее. Оно скользит вниз, и я чувствую, как на губах расползается ощущение ворсинок.

— Пусти! Отпусти! — Вряд ли мой крик слышно в деревне, но я так сильно дергаюсь, что Миша шатается вместе со мной.

— Ты чего? — Он как будто не понимает, что происходит, и теряется, — я хотел погадать тебе, Варь!

— Ты что несешь? — чуть не плача, выдавливаю я, и Миша опускает мою руку. Он выставляет то, что попало мне в ноздри и пощекотало лицо, прямо передо мной. Закрытый одуванчик.

— Я видел, как тебя погнала Люба на площади, — рассказывает он, не решаясь ни подойти, ни опустить цветок, словно тот удерживает меня не невидимой ниточке, — это ведь ты та Варя, у которой сестру недавно к Кащею в столицу увезли?

— Ты…

— Да это я уже позже спросил у местных, не злись, — не дав мне обвинить его в обмане, вставляет Миша, — вот я и подумал, что на озеро тебя отведу, а там покажу, как действительно нужно гадать.

— Ну ты-то колдуна из себя не строй, не дорос еще. — Я хмыкаю и скрещиваю руки на груди от обиды.

— Ты разве не хочешь узнать, как правильно надо гадать?

Не отвечаю, и он медленно машет перед моим лицом уже сломавшимся одуванчиком.

На упругом стебельке появилась ранка, он надломился, и белым соком истек вместе со своей жизнью на ладонь Миши.

— А откуда ты знаешь, как надо?

— Всем ответам свое время, тринадцатилетняя вредина.

— Пф! — Я взмахиваю руками в стороны от недовольства, и моя коса неприятно бьет меня по спине от резкого движения головы. — Ну показывай! Мне интересно! — Я сдаюсь и подхожу ближе.

Теперь Миша совсем не похож на нечисть, а вот на какого-то полоумного дурака, чем-то напоминающего меня, очень даже.

— Спроси, чего сердце желает, у одуванчика, и он тебе всю правду расскажет.

— Чего, прям сам расскажет? — ухмыляюсь, но Миша не смеется. — А как он расскажет, если помер от твоих потряхиваний?

— Варя, ну Богов ради, прекрати паясничать… — слышу в его голосе усмешку и улыбаюсь.

— Ну, допустим, узнает ли завтра мама, что я сегодня сбежала с тобой гулять? — Я смотрю сначала на Мишу, потом на одуванчик. — Или надо как-то ему это сказать, лично обратиться?

— Нет. — Он прижимает руку с цветком к груди, как будто подозревает меня в том, что я у него этот замученный оду-

ванчик вырву. — Молоко, чай или греча?

— Чего?

— Выбери, и все.

— Ну молоко, — пожимаю плечами и, кажется, совсем глупо пялюсь на одуванчик.

Миша выставляет его вперед и разламывает пополам бутон так, что я вижу внутри коричневые зернышки.

— Узнает.

— А? — Я вглядываюсь в зерна и тут меня осеняет! — Я поняла, в чем суть гадания, Миша! Это правда? Это прям правда?

— Ну да, — он как будто смущается, но я не могу сдержать восторга, — если человек угадал, какого цвета семечки, его желание сбудется.

— А я не угадала, да? То есть молоко — это прям белые зернышки?

— Светло-зеленые скорее. — Миша кивает и выкидывает выпотрошенный цветочек, — еще можно гадать на распустившихся одуванчиках… и на сирени… на подсолнухах еще можно…

— Подожди, то есть мама все узнает? — прерываю я, и Миша непонимающе на меня смотрит, словно забыл свое предсказание.

— А… — Он поджимает губы и неуверенно кивает.

— Мне надо домой! — Я чуть не подпрыгиваю на месте от страха и оборачиваюсь в сторону деревни. Ну нет. Она

побьет меня и запрет на все лето, если узнает!

— Стой, Варь, тут же…

— Пока, Миша! — не дав ему договорить, я хватаю подол платья, неприлично задирая его до колен, и бегу в сторону дома.

Уже не слышу ни сверчков, ни шелеста глади воды, ни Миши, только то, как коса бьет по спине, как в ушах волнами надрывается свое озеро, как от моего дыхания в груди поднимается личный ураган!

***

Мама все узнала. Гадание Миши не обмануло. Правда, случилось это не в тот вечер, и даже не через неделю, а ближе к папиному приезду, когда я совсем осмелела и перестала осторожничать. В самом начале я так плотно затворяла ставни окон, чтобы слышно было еле-еле: и меня, и ветер, поддувающий из щелей поздно ночью. Миша тихонечко подсаживал меня, и я пробиралась в окно, вторя природе — как нечто неосязаемое и совершенно легкое. Всегда прятала ношенную на свидания одежду и никогда не позволяла себе оставлять постель заправленной перед уходом: подкладывала под одеяло старые порванные подушки, которые мы с мамой не решались выбросить. Я придавала им форму маленького щуплого тельца, как у меня самой, накрывала сложенную кучу одеялом, и выскакивала в окно.

Позавчера я забыла повиснуть на ставнях так, чтобы они намертво пристали друг к другу. Подул сильный ветер, и ок-

но с грохотом ударилось об стену, чуть не лишившись своих стеклянных внутренностей.

Матери всегда тяжело передвигаться. Еду ей надо поднести, в коровнике ей не убрать, пыль не подмести! Но на звук она прибежала в два счета. И, конечно, в комнате меня не оказалось, ведь я была на нашем с Мишей месте — на озере, которого я когда-то сильно испугалась в ночи. Оказалось, оно не такое уж и страшное: камыш только на первый взгляд выглядел подобно тонкому хлысту, а темные воды перестали отторгать своей неизвестностью. Миша толкнул меня в озеро в одну из наших прогулок, и я поняла, что нет там ничего, кроме вонючих водорослей, которых к концу лета стало как будто только больше. Утром все у водоема смердело протухшей травой, замоченной в застоявшейся воде, стирать там вещи было просто невозможно! А отсутствие хотя бы скромненького ветерка заставляло думать, словно и ты сама уже водоросль!

Позавчера, когда мама лупасила меня тряпкой по «наглой морде», как она «ласково» выразилась, я думала, что это мое самое унизительное и страшное наказание. Посадила на голодовку? Не впервой!

Однако я не учла, что голодовок уж давно не случалось, а во все самые тяжелые дни еду мне в тайне от родителей передавала Христиана. Я думала, что справлюсь и без нее, даже оправдываться не придется, но вчера вечером я не сдержалась и начала проситься поесть. Мать не купилась ни на

мои слезы, ни на уговоры, ни на обещания…

Я слышала от нее только одно. Холодное такое. Колючее.

«Папа приедет завтра, с ним и поговоришь».

Наши разговоры с отцом уже давно не заканчивались на сине-фиолетовых или коричневатых цветах. Я уже больше года не стояла на коленях в углу всю ночь и подумала, наверное, что выросла, вот меня и не наказывают. Как же я ошибалась…

Я отвыкла от его страшных, звонких, как удар дорогих расписных ягодками тарелочек об пол… тумаков. Это нельзя было назвать шлепками или «просто ударами», он бил меня, как мужика, когда Христиана жила с нами, за мою любовь к магии и то, как я позорю нашу семью. Может, он так отыгрывался на мне из-за того, что вторая его дочка правда ведьмой оказалась? Боялся Хрюшу и бил ту, что не сможет дать сдачи?

Я хватаюсь за живот и переворачиваюсь на бок. От голода совсем дурные мысли в голову лезут. Папу я люблю. И почему-то никогда не обижаюсь на наказания. Словно он — мой единственный мучитель. Единственный право имеющий на жестокость мучитель. От остальных я бы не стерпела.

В уши врывается громкий звук. Я резко сажусь, нога остается подогнутой, запутавшись в одеяле, но я едва замечаю натянувшуюся от растяжения в ноге ниточку боли.

Гулкий стук повторяется, и я понимаю: это в окне. В голове сразу рождается безумная мысль, от которой перестает

сосать под ложечкой.

Христиана вернулась и пытается тайно от родителей пробраться в дом? Или она бежала от царя и теперь старается незаметно от соседей проникнуть к нам в избу, чтобы избежать погони и наговоров?

Я вскакиваю и взбираюсь на стол, он трещит подо мной. Чувствую, как в голове растекается вязкая слизь, нечто туманное и удушающее, отчего хочется вырвать. Перед глазами отдельными точками взрывается белизна. Однако я все равно тяну за ручку окна, и когда холодный воздух освежает кожу, мне становится легче. Я чувствую каждый вершок[2] своего лица, то, как оно осунулось за дни голода, как натянулась кожа, как впали глаза и болезненно закололи. Веки отяжелели и словно потолстели без еды, а челюсть стала такой тяжелой, что и говорить трудно.

Но с Христианой я бы поговорила. Однако внизу стояла не моя копия, не моя сестра, а парень. Мишка, человек, ставший мне практически братом за это время, настолько близки по духу мы оказались! Он показал мне, как на самом деле устроен мир, природа. Он научил меня читать будущее по одуванчикам, сирени, подсолнухам… Он рассказал мне про Чернобога, Морену, Бабу Ягу и что на самом деле сейчас происходит в столице.

Про Кащея Бессмертного и то, как он взошел на трон, о

---

[2] “каждая пядь” в данном случае автор использует в значении “каждый сантиметр”.

том, где сестра моя оказалась и что же это за дети особенные такие.

В общем, Миша сделал для меня все, чего по непонятным причинам отказались сделать родители. Не такой уж и страшной оказалась правда, а мир от нее стал только понятней и безопасней для меня. Разве что не уберег он меня, этот новый мир, от наказания…

— Ты как? — Миша говорит совсем тихо, встав на носочки, чтобы облокотиться на подоконник. Я наклоняюсь к нему и хочу обнять, чтобы спрятаться от боли, скопившейся внутри. Голод ел меня потихоньку, он впитывался в мои косточки, обвязывал невидимой лентой, утыканной колючками. И он так крепко схватил меня, что, казалось, только сытый Миша мог меня спасти.

— Возьми, возьми, — он не дает себя обнять и сует мне что-то под нос, — сам готовил, попробуй.

Ветер уносит все запахи прочь, но как только сверток оказывается у меня под носом, я ощущаю сливочно-грибной запах. Мне становится дурно от яркости сегодняшней ночи, мои глаза улавливают прежде не существовавшие в моей жизни оттенки.

— Это пирог с грибами? — Я раскрываю сложенное в конвертик полотенце и сглатываю слюну. Мне хочется съесть даже это полотенце в красно-белый квадратик, которое пропиталось маслом: у меня от одного касания все пальцы зажирнились.

— Как видишь. — Миша лезет носом прямо к моим рукам и касается ими моих пальцев. Их слегка покалывает от прикосновения, и я нагло, как и он, отвожу его лицо, ткнув пальцами ему в щеку.

Вместо того, чтобы поблагодарить, я впиваюсь в тесто зубами. Сок начинки течет по подбородку прямо на белую ночнушку, которой я после наших ночных купаний особо и не стесняюсь. В тот вечер, когда он толкнул меня в озеро, нам чуть не пришлось расходиться по домам, в чем мать родила. Тогда бы точно все меня ведьмой посчитали! Или мавкой!

— Грибы в лесу пошли, я сегодня на рассвете собирал, пока местные не понабежали, — он подтягивается и виснет на подоконнике, сложив руки друг на друга, — ты бы видела, сколько в этом году ложных опят!

— А-ф э-фто оп-фята? — жуя, уточняю я.

Миша кивает.

— После дождя лес такой красивый, страшно даже представить, Варь, — он падает обратно на ноги, но снова подтягивается, чтобы хорошо меня видеть.

Может, мне кажется, но он так мечтательно смотрит на то, как я поедаю его пирог…

— Ну так чего представлять? — Я вытираю рот тыльной стороной ладони. — Вот выпустят меня из заточения, и обязательно сходим. Раз грибы пошли, всяко меня за ними да отправят.

— Я про другой лес говорю, что ближе к моей деревне.

— Ну тогда ладно, можно только представить, — удрученно вздыхая, соглашаюсь я. В моих руках истекает соком еще половина пирога, но я боюсь помещать его в себя полностью, иначе вырвет.

Завтра приедет отец.

Что ждет меня тогда? Что меня вообще ждет?

— Пошли со мной. — Его предложение не сразу укладывается в моей голове, я начинаю понимать, что он сказал, лишь тогда, когда Миша поясняет: — Варь, ты ведь можешь быть свободной, никто тебя не держит.

— Ага-а-а, — тихо протягиваю я, усмехаясь с его глупости.

— Мы есть друг у друга, а у меня — дом. Разве тебе что-то еще нужно? — Он настойчиво взбирается поближе ко мне и, грузно выдохнув, подтягивается на руках, подпрыгнув, и садится на краешек подоконника.

— Миш, ты не обижайся, но ты — не самый лучший выбор. — Мне так неприятно от его предложения, что я толкаю его в грудь, дабы слез и не подставлял меня, но он упрямо держится за окно и стену.

— Все дело в том, что я парень?

— Ну… для начала да. — Я развожу руками в стороны, но Миша не меняется в лице. Как и всегда. Невозмутимый камень, который порой пугает меня своей твердолобостью в некоторых вопросах.

Наверное, он давно женат, поэтому даже не рассматривает

меня в качестве девушки, но даже при таком раскладе его предложение очень странное!

— Ты что, любовницу себе хочешь завести? — бью его вопросом, как обухом по голове, и в этот раз Миша наконец выдает мне хоть какую-то реакцию.

— Ты нормальная? — Он возмущенно шипит на меня.

— А ты? — почти выдыхаю в тон ему.

— Ты мне как сестра, тринадцатилетняя вредина! — Он как будто специально выделяет и возраст, и качество моего характера, и я почему-то смягчаюсь.

Улыбка сама расплывается на лице, и я закусываю нижнюю губу, чтобы не так сильно она увлекалась растягиваться.

— Спасибо тебе за пирог, — я меняю тему, — правда… — сильно киваю, пытаясь показать, насколько меня тронула его забота.

— Ты главное духом не падай, Варь, а там мы… как-нибудь разберемся. — Миша сжимает мою ладонь, я бросаю беглый взгляд на его руку и отворачиваюсь в сторону улицы.

— Иди давай, — подтягиваю свободную руку к груди и вздыхаю, — спать уже охота. — Я улыбаюсь, и он мне в ответ.

— Доброй ночи, Варь, — уже снизу прощается Миша, стараясь как можно громче и длиннее прошептать прощание. Я молча закрываю окно, прячу пирог под кровать и запрыгиваю под одеяло.

Теперь в кровати так тепло, что мне даже не надо выдумывать, как на соседнем ложе сопит моя сестричка. Я смот-

рю на пустую кровать и представляю ее, лежащую где-то совсем далеко от меня на такой же постели.

— Доброй ночи, Хрюша… — шепчу в пустоту, надеясь, что хотя бы какой-нибудь совсем небольшой и, может, не примечательный Бог или чертик обратит на мои слова внимание и принесет ветром сестре.

Я просто верю. Вот и все. Тогда и спится легче.

***

Я возвращаюсь домой с корзиной постиранных вещей ровно в полдень, когда солнце только входит в свои права, но мой день на этом заканчивается. Я врезаюсь в отца с порога. Утыкаюсь ему в грудь, и разделяет нас лишь корзина. Я крепко держу ее с двух сторон за ручки и исподлобья смотрю на отца. Не специально и не со злости, скорее пристыженно, заискивающе, словно не веря до конца, что мать сдала меня.

Мы стоим у двери, по улице соседи бродят, точно знаю, что дядя Саша мимо коров гонит. Наверное, отец не посмеет взгреть меня при всех, оттого и медлит. Оттого его рука все еще лежит недвижимо, а не бросается на меня.

— Привет, — мой голос звучит хрипло, что-то вязкое пленкой садится на стенки горла и не дает говорить, — как съездил?

Отец не дает мне пройти, хотя белье тяжело держать, но я боюсь сократить вынужденное расстояние между нами. Корзина в руках — это моя защита от него, от того, что ждет,

когда зайду в дом.

— Здравствуй, дочка. — Отец кивает вслед за приветствием и заходит в избу, я остаюсь мяться на месте. — Ну заходи-заходи, чего встала? Дай обниму тебя как следует, не виделись-то сколько!

Хочется буркнуть «не так уж и много», даже учитывая то, что за это время я успела истосковаться, но порой родные люди сочетаются в наших мыслях не только с приятным, и теперь мой отец вызывает лишь тугой страх без примесей тоски или любви под сердцем.

— А мама где?

— Как всегда. — Он пожимает плечами и берет из моих рук корзину.

Чувствую, как ослабели руки, они падают вдоль тела, и что-то внутри ноет от напряжения. Пот неприятно сдавливает кожу, налипает как панцирь, а от рук несет болотцем.

В конце августа уже не так жарко, да и стирала я в первой половине дня, но пока несла мокрую одежду, все равно запыхалась.

— Варь, ты идешь? — Голос отца звучит из глубины дома, и я прохожу отделенный под маленький тамбур для верхней одежды и обуви закуток.

Робко заглядываю в комнату, где должна на лавочке сидеть мама, где от печи тянутся ленивые и волнистые языки пламени, нарисованные углем. Замечаю, что над печкой появилась натянутая веревочка с нанизанными на нее опятами.

Папа, наверное, привез. Перевожу взгляд к столу — самовар на месте, рядом стоят тарелки, накрытые полотенцами, а под ними может скрываться все, что угодно. Я отчетливо чую запах ягод: наверняка это пирог с тонким слоем теста и вязкой, напоминающей варенье, начинкой.

— Садись кушать. — Отец кивает за стол и сам опускается на стул. Придвигается так, чтобы локти на столешницу поставить, откидывает полотенце, и тут я вижу ярко-красное солнце, от которого исходит пар. Мама действительно приготовила пирог.

— А можно? — После мгновения восхищения я вспоминаю о наказании и том, что досталось мне на завтрак — наполовину сухой пирог с опятами, который я припрятала ночью под кроватью. По утру на него даже мерзкие пылинки налипли, наверное, еще с ночи, но я тогда не подумала о чистоте от голода.

— Ну от чего нельзя? — Он хмурится и, небрежно отломив кусок от покрытого узорами, как рисунками, пирога, смотрит на меня. Он подставляет ладонь под кусочек, и джем падет ему на руку. — Ты по батьке, как я вижу, вообще не соскучилась? Раньше бежала всегда навстречу да прыгала на руки…

Он щурится и откусывает так много, что в руке остается только запеченный бортик темно-коричневого цвета.

— Что изменилось, Варь?

— Не хочу, чтобы ты меня вишней испачкал… — неуве-

ренно пробую подступиться к нему и щупаю словами почву.

— Я маму отправил на улицу воздухом подышать, — внезапно обрывает он и меняет тему, — она мне рассказала о том, что случилось с тобой на днях… — я чувствую, как воздух перестает добираться до груди, не могу дышать, — так вот я хотел с тобой об этом поговорить.

— Да. — Отвечаю так быстро, что саму себя удивляю. Но не могла ни выдохнуть, ни вдохнуть, пока не произнесла хотя бы что-то.

— И моя вина, видимо, в том есть, но судить сегодня я никого не буду, — отец не смотрит на меня и говорит таким тихим голосом, словно боится, что услышат его.

— Пап, я… — пытаюсь оправдываться и даже думаю, а не познакомить ли его с Мишей, но отец выставляет руку вперед и кривится от звука моего голоса, приказывая молчать.

Я смиренно сцепляю руки в замочек перед собой и пристыженно опускаю голову. Разглядываю подол желтого сарафана и босые ноги, которые хочется спрятать из-за некрасиво налипшей на них грязи и пыли.

— В общем, пока тебя не было, — он ведет рукой в сторону, словно помогая себе закончить фразу, — мы с мамой посоветовались…

Во всех его словах я ощущаю такую неловкость, будто это он с Мишей ночью гулять сбежал!

— Я пока не договорился и даже не думал, что до этого дойдет так рано, хотя бы в пятнадцать — это самый лучший

возраст, по моему мнению, — он неуверенно откашливается, останавливаясь, — у нас как было в мое время? До пятнадцати, а то и до семнадцати можно было спокойно ждать, вот я и не говорил с тобой, а надо было. И матери твоей тоже по башке дать нужно, что не поговорила с тобой!

— Пап, ну хватит…

Он кашляет в ответ да кряхтит от стыда.

— Не перебивай отца. — Он резко поворачивается ко мне, а я в этот момент поглядываю на его фигуру исподтишка, и тогда мы встречаемся взглядами, оба того не ожидая, — замуж тебя отдать хочу, — неожиданно для нас обоих выпаливает он и вновь откашливается в кулак, — ты как на это смотришь?

— За Мишу что ли?

— Чего? — Он хмурится и бьет по стулу так, что я невольно подпрыгиваю. — Какого, к черту, Мишу?! Совсем, что ли, белены объелась, Варя?!

— Простите… — От страха я впервые обращаюсь к нему на «вы».

— За Данко выдать тебя хочу, он к Христиане сватался. — Отец отмахивается рукой и, сморщившись, словно ему неприятно вспоминать, продолжает… — ну, из соседней деревни которой… Она тебе про него говорила?

Я поджимаю губы и пристально смотрю отцу в глаза.

— Ну да… — Он кивает на мой взгляд, вспоминая, что я недавно обо всем узнала - о сестре, ее магии, так что ни о

каких путешествиях мы беседы не вели.

— Пап, а причем тут я, если Данко к Христиане сватался?

— Скажем, что ты — это она, на руках тебя там носить будут. Он влюблен в нее по уши, только и твердит: «Христиана… Христиана…» — Отец неумело изображает юного влюбленного мальца, и я усмехаюсь.

— Пап, но я Варя. — Мы смотрим друг на друга. — В-в-в, — противно протягиваю, делаю паузу на каждой букве, — а-а-а, р-р-р, я-я-я! Я Варя, а не Христиана!

Ему никогда не понять, почему я так злюсь, не в моем-то положении показывать характер. Но меня до жути бесит, когда кто-то начинает сравнивать меня с сестрой, а тут родной отец просит сделать вид, будто я — Христиана! Мне хватило того, как он предложил сделать это после отъезда Хрюши.

Они хотят навсегда стереть из памяти свою вторую дочь — Варвару. Хотят, чтобы была только покинувшая нас Христиана. Святая ведьма.

— Хорошо, за кого бы ты сама хотела выйти замуж? — Он обращает внимание на стремительную перемену в моем настроении, и я замечаю, как сильно раздуваю ноздри от злости, как дыхание задребезжало под языком.

Закусываю губу, придаю лицу выражение попроще, позволяю лишь бровям остаться сведенными к переносице.

— Я никогда не выйду замуж, если тебе интересно именно мое мнение, папа, — не замышляя того заранее, случайно с ядом в сердцевинке произношу такое светлое слово — «па-

па»… И это сразу меняет все вокруг нас. Солнце за окном прячется в облаках, в комнате становится холоднее, на нас обращают свое внимание сами Боги, если таковые еще хотя бы немного наблюдают за людьми.

Хотя нельзя сказать, что они правда пропали. Этого не может быть. Я макушкой чувствую, как наш покровитель, Святовит, наклоняется над нами с отцом, решая мою судьбу. Вероятнее всего, именно он нашепчет отцу на ухо верное решение, а меня моими действиями подведет к тому, чего хочет сам. Так ли все предрешено?

Хмыкаю в пустоту, хотя на фоне причитает отец. Я незаметно для себя перестаю его слушать и теряю нить разговора.

Может, никакая я и не ведьма, но только мне решать, пойду ли я за кого-то замуж.

— Варь, ты оглохла? — Отец говорит так громко, что я все-таки выбираюсь из кокона мыслей. Он возвращает меня в мир, где я по-прежнему остаюсь обычным человеком, ко всему тому же и безвольной рабой своих родителей. Как Хрюша во дворце Кащея. Мы с ней, хоть и по разные стороны гор, обе в беде и обе безвольные. Кому-то из нас надо скинуть свое ярмо.

— А что такое? — Я скрещиваю руки на груди, осмелев, и, стараясь выглядеть как можно более грозно, с вызовом смотрю на отца. — Я все сказала тебе.

— Что ты имеешь в виду?

— Замуж не пойду, — развожу руками, упираю их в бока, подперев пальцами талию, — это мой дом, и вы не имеете права меня отсюда выгонять.

— Твоего здесь пока ничего нет, Варвара, да и не будет никогда, — он говорит беззлобно, но сама суть его слов уже выводит из себя, — ты прекрасно знаешь, что все в нашей жизни принадлежит мужчинам.

— В моей жизни не так.

— Ну тогда выходи замуж за царя и становись царицей, — он откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди, — хотя даже тогда ты будешь *за*мужней и *при* муже.

— Значит, я создам свое царство и свой мир, где я могу не выходить замуж и остаться дома. — Выпячиваю губу, чувствуя, как от страха вперемешку с откровением просятся слезы.

— Сказки все это.

— Ага.

— Варь, я не спрашиваю у тебя разрешения, мы с твоей мамой решили этот вопрос. — Он расслабленно пожимает плечами, словно не замечая, как все внутри меня по песчинке рушится и скапливается у его ног.

— Мне все равно, что вы решили, я не пойду замуж.

— Даже так? — Его лицо вытягивается от удивления, а у меня в этот момент тело покрывается коркой льда от страха. Я чувствую холодную воду, бисеринками кусающую кожу на спине, мое сердце потихоньку перебирается к ушам, отбивая

там громкий ритм.

— Даже так, — немного сипло, однако вполне уверенно соглашаюсь я, подкрепляя сказанное коротким кивком.

— Тогда можешь идти отсюда. — Он пристально смотрит мне в глаза, сложив на груди руки. Смиренная поза никак не вяжется с тем, что он мне только что сказал.

— В комнату?

— На улицу, — он кивает на дверь, — вон из моего дома с таким гонором, Варвара.

— В смысле вон из дома? — не понимаю я.

— Пошла вон, если решила, что знаешь куда лучше нас с матерью, — так же спокойно продолжает он, наваливаясь интонацией на ударные слоги, словно кривляется, — я не собираюсь кормить тебя и содержать, раз ты отказываешься соблюдать правила этого дома!

— Я… — Он так резко переходит на повышенный тон, что все мои слова пропадают из поля зрения.

— Варя, я серьезно. — Он выставляет на меня указательный палец, пригрозив: — Если через десять минут ты все еще будешь дома, я отлуплю тебя ремнем так, что ты не сможешь сидеть на заднице месяц. — Я стою, не двигаясь, и тут он снова ударяет рукой по столу. — Пошла вон, я сказал!

— Да как будто бы ты когда-то меня содержал! — Я кричу так громко, что стекла дребезжат в своих рамах. — Я три дня ничего не ела, и только Миша подумал обо мне, только он принес мне хоть что-то поесть, когда я почти сознание

потеряла! А ты еще смеешь мне тут тыкать!

— Значит, Миша?! — Кажется, это все, на что его хватает после моего крика. Он произносит это, словно Змей Горыныч выдыхает из ноздрей пар.

— Да, Миша! — продолжаю, не в силах остановиться, — он один заботился обо мне, когда вы бросили Христиану, когда я потеряла сестру, а где ты был?! Где?! Искал, за кого бы меня замуж выдать?! Что, от приданого быстрее захотелось избавиться или я тут вам всем личную жизнь порчу, что вы меня выгнать решили?!

Папа делает шаг навстречу, я немного сутулюсь, готовясь бежать, если решит ударить, но все равно не останавливаю то, что давно накипело:

— Я работаю каждый день, и все хозяйство на мне! А мать даже покормить меня за это не может, потому что я, видите ли, с Мишей гулять пошла! — От бессилия топаю ногой по полу, и боль простреливает ногу, мне приходится скривиться. — Ну сбежала, и что с того?! Я детей тебе в подоле принесла, обременила этим как-то, да?! Что ты меня в чужой дом отдать собрался?

Я не успеваю ничего сделать, как он за долю секунды оказывается возле меня и хватает за локоть, больно сдавливая руку так, что она чуть не выгибается в обратную сторону.

Визжу и топаю ногами, наступая на него, чтобы отпустил. Прыгаю на месте, мысленно попрощавшись с рукой, которую он держит в тисках. Кожа сворачивается под его ладонью,

жжется, как от крапивы.

— Пусти! — Я бью его в бок, но отец только поудобнее перехватывает мою тонкую руку и тащит за собой. Я спотыкаюсь, ударяюсь ногой о стул, и тот с грохотом падает на пол. — Ты не имеешь права!

Конечно, имеет. И мы оба это знаем. Никто на улице, услышав мой визг, не придет на помощь. Христиана пару раз пыталась, но потом вместе со мной всю ночь в углу на крупе стояла.

— Мама! — Несмотря на то, что ее я люблю меньше и в последнее время как будто бы совсем нет, я зову именно ее, единственного человека, способного спасти меня…

— Мамочка! — хватаюсь за дверной косяк, упираюсь в него ногами, дабы не дать отцу утащить меня к заднему выходу, ведущему в огород. Только бы не вытолкал из дома! Я начинаю судорожно дышать и замечаю, что щеки уже давно намокли.

— Ма-а-м-м-м-а-а! — выдавливаю из себя вместе с нытьем и не выдерживаю, когда отец сильно дергает меня, и я падаю назад. Он обхватывает пальцами мою шею так сильно, что у меня начинает неметь все тело. Толкает вперед, и мы оба оказываемся в моей комнате.

— Ты показывай, Варя. — Он захлопывает дверь, от чего косяк отходит от стены и держится на добром слове.

Метаюсь от одной кровати к другой, чтобы найти волшебный выход. Но здесь только плотно закрытое окно. Уж Ми-

ша об этом позаботился.

— Показывай, что из этого купил тебе не я. — Отец распахивает шкаф и хватает первый попавшийся сарафан. Зеленый с желтой каймой на подоле.

Я замираю на месте, смотря, как отец дергает окно, распахивает его, и сарафан оказывается на улице. Чувствую, как все лицо сводит от напряжения в скулах.

— Нет! — В этот раз я хватаю отца за руку, когда он снимает голубое платье Христианы с вешалки. — Папа, нет!

Ему никак не мешает, что я повисла на нем. Платье летит на улицу.

Когда он берет мои туфли, ему даже не надо подходить к окну, он просто швыряет их над моей головой. Я прыгаю от злости, ужаса, дрожа всем телом.

— Папа! — Я трясу кулаками в воздухе, скрючиваюсь и бью себя по ногам, потому что не могу ударить отца. — Ну не н-на-а-ад-до!

Меня захлестывает рыдание, и я без сил опускаюсь на колени, когда бедра начинают гореть от моих ударов.

Начинаются долбить по полу — левым кулаком, правым, поочередно. За полупрозрачной стеной слез я вижу, как ноги папы появляются то в одном углу — у шкафа, то в другом — у окна…

Я сгибаюсь пополам, плача с воем и криком, из горла вырываются странные звуки, которые мне не под силу взять под контроль. Кажется, все заканчивается, когда я слышу быст-

рый стук маминой палки о пол. Она кричит на отца, я слышу хлесткий звук рассекающего воздух полотенца. С таким звуком она обычно била меня, но это почти не больно.

Не так больно, как хватка папы. Не так больно, как то, что происходит внутри меня.

Стоило им обоим уйти, как я повалилась на бок и притянула колени к груди.

Перед глазами стоит ладонь отца, которая иногда плывет от слез или моих судорожных вздохов. Слезы скатываются в уши, они щекочут и холодят кипяточную кожу. Я чувствую, как мое лицо раскраснелось от слез.

Долго лежу, издавая только тихие жалобные стоны. Нельзя двигаться, нельзя показать им, что я пришла в себя. А еще нельзя смотреть в окно, куда он выбросил всю одежку.

Что скажет Хрюша, когда вернется и не увидит своего любимого голубого сарафана? Там еще ее счастливое пятнышко на изнанке…

Я беззвучно вздрагиваю от плача, но сдерживаю себя, чтобы не подвывать и не вызвать гнев мамы. Она терпеть не могла, когда я выла из-под дверей своей комнаты, когда она меня наказывала.

Снимаю с запястья холодный браслет и перекатываю бусинки в пальцах. Они забирают болезненное тепло из моего тела, впитывают всю злость, хворь, напавшую от навалившихся на меня страданий.

И мысли о свадьбе уже не кажутся такими безумными. И

Христианой притвориться не так уж и сложно.

Только бы сбежать отсюда поскорее. Выйду замуж и уйду искать Христиану. Вот тогда мне все будет по плечу. Я найду ее, и мы создадим тот мир, в котором отцы не будут выкидывать платья своих дочерей в окно, желая поставить их на место.

Кажется, я так и уснула прямо на полу с браслетом Христианы, зажатым между пальцев…

***

В ягодицы впиваются острые соломинки. Я лежу в углу коровника, прячусь от родителей, точнее — от посватавшегося ко мне парня из соседней деревни. Он думает, что я Ж*и*ва — Христиана, а родители, как болванчики, кивают, считая, что меня, когда обман раскроется, не вернут домой. А что? Выйду замуж — не вернут. Хоть корову в фату обряди — если обряд дадут провести да жених согласится, и с коровой не разведут, так-то.

— А ты была замужем? — Я поворачиваюсь к Остолопке, но она молча жует. — Я во сне вышла замуж за красивого богатыря, он забрал меня, и мы на плоту из соседней деревни, Варежкой называют, поплыли в дальние страны… учиться магии и ворожить.

— А богатыря, случаем, не Мишей звали?

Раздается треск от прыжка парня через закрытые на за-

движку низкие ворота. Я резко приподнимаюсь на локтях. Смотрю в сторону избы: папы нигде нет. И тогда я расслабляюсь и откидываюсь обратно. Миша щурится, высматривая что-то в окне.

— Познакомься, Миша, это моя корова. Из ее достоинств могу выделить крайнюю степень нерасторопности и узколобости. А еще она воняет. Да, дурочка?

Я задираю ногу, щиколотка оголяется, и я толкаю животинку в бок. Она молча поворачивается ко мне и смотрит темными обиженными глазами. Прямо в душу, как будто понимает человеческую речь.

— Корова, а это мой Миша.

Коротко киваю на друга. Миша садится напротив меня и зарывает ноги в сено. В затылок упирается что-то твердое. Я ерзаю, устраиваясь поудобнее.

— За что ты так с ней? — Миша гладит корову по боку, и его не смущает ни вонь, ни скользкая немытая шкура. А ведь это я ее не мою…

Остолопка продолжает смотреть на меня. Резко отворачиваюсь, избегая ее взгляда.

— Ты говорила, Христана ее любила. Она бы расстроилась, узнав, что ты донимаешь ее подругу.

— Ага, подруга. — Недовольный выдох разрезает пространство. Я поворачиваюсь на бок, спиной к корове. — Она порой до ночи сидела с ней, а ко мне не приходила. Ей корова важнее, понимаешь?

— Не совсем. — Миша подтягивает ноги, садится на колени поближе ко мне, и я приподнимаюсь на локте, смотря ему в глаза. Меня как будто взрывает, когда речь идет о корове.

— Скорее всего, именно ей она рассказала про то, что ворожила в другой деревне! Если бы об этом узнали наши, ты знаешь, что было бы. Как родители решились на это вообще?! Я их не понимаю!

Миша медленно, как-то дергано кивает, уставившись в одну точку поверх меня.

— Ты же знаешь: где-то принято, где-то нет… Не просто так же твой отец ее туда повел. — Миша защищает его и даже не замечает, как мое хорошее отношение к нему тает все сильнее и сильнее.

Я хмурюсь и все-таки раскапываю мешающий мне валяться острый угол под сеном. Еще окажется — лежу на черенке от лопаты, как свинья в грязи, сено ворошу. Немудрено пораниться.

— Там приехали из Воробьева, сватать меня будут. Мол, тебе четырнадцать скоро, Варя, давно пора, а они даже приданого не требуют, только тебя. И родителей не беспокоит то, что моя сестра им нужна. А как поймут, что подложили им, так меня сразу и лупасить начнут, в поля отправлять и в обед, и в ночь, и по ягоды зимой в лес. Ну уж нет.

Под копной сена оказался сундук. Открываю и роюсь в немногочисленных берестяных грамотках. Береста приятно

ластится к подушечкам пальцев. Странно. Зачем прятать под боком у коровы, как клад какой-то? Взгляд привлекает черная сургучная печать с двумя перекрещенными косточками по центру. Я вглядываюсь в буквы, усердно пытаюсь постичь сокрытую от меня загадку, а после, не в силах ничего понять, лениво передаю письмо Мише.

— Это письмо твоим родителям, Варь… — Я сажусь и кладу руку на сундук. Хоть там и нет содержимого, не считая исписанных обрывков, пустота внутри вызывает трепет. Какая-то тайная тайна! Я была права!

Именем царя Кащея Бессмертного сообщаем вам, Безродные, что ваш ребенок, Христиана, одарена Им, избрана. Его великим и неизменным велением есть желание видеть вашу дочерь на обучении у Бабы Яги, на благо Нечестивой Руси. В ближайшее время к вам явится гонец и передаст указания. Неповиновение и дезертирство — казнь.

ЦАРЬ КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ.

— Они продали ее. Тут говорится о покупке Христианы. Царь планирует взять ее в наложницы. Точнее, уже взял.

Я чувствую, как слизь обволакивает горло, а сосредоточенный взгляд никак не хочет помочь мне забыться и перестать видеть происходящее вокруг. Да хотя бы эти проклЯтые послания.

— Мишк… — Я ложусь на сено и подкладываю под голову руки, поджимая колени к животу и сворачиваясь в кала-

чик, — А наложницы — это ж… да? Я правильно подумала? — Смотрю на него и вижу уверенный чертов кивок. — Спасать ее надо! Миша! Надо спасать! Понесет от него, потом как ее спасать? Она же… она…

— Варя. — Миша хватает меня за плечи, садясь ближе, но я не чувствую его рук.

Он прижимает меня к себе, я цепляюсь за мужские руки своими и кусаю за черную накидку, пропитанную гарью. Горько. И зубы сводит. Почти так же, как сердце сворачивается в спираль от страха.

— Варя. — Он встряхивает меня, но я хватаюсь еще крепче, прячусь в его огромных руках, как трусливые животные в норах или под панцирем.

— Там так и написано — наложницы и продажа? — Приподнимаю голову и задеваю губами его подбородок. Прикосновение о мужскую щетину обдает губы кипятком и жаром, я робко отсаживаюсь назад, подбирая к себе колени и обнимая их. Миша молча берет второе письмо.

Служить на благо Родине — не подвиг, это обязанность каждого. Царство царя Кащея Бессмертного — это мир без неравенств. Правление смертных на Земле и смерть языческих Богов. Ваш Царь — Новый Бог, БЕССМЕРТНЫЙ. Он даровал Христиане силу, подвластную неземному существу, как и другим особенным детям. Ваша дочь превратит все ваши камни в золото, если приедет обучаться в нашу академию.

Три года обучения и желание одаренного будет исполнено — вернуться к семье, остаться в Благих землях или служить царю, став его воином.

— Ну что? — Я подбираюсь ближе и наваливаюсь на его руку, чтобы рассмотреть красивые загогулины, выведенные углем.

— Пишут, что служение бессрочное, домой она никогда не вернется. Если посчитают нужным, отправят на службу высоко в горы, чтобы там камни разбивала. За все это твои родители получат деньги, как только сестра выполнит свои обязательства — послужит там, родит ребенка, к…

— Лучше замолчи! — Я вырываю у него листки и бросаю их под копыта коровы.

Они облизывают ее ногу. Куда же я ее отпустила, Хрюшку свою? Почему я бежала так медленно и не подумала, что ее уволокут до моего возвращения? Зачем родителям нужно скрывать, если все настолько плохо? Сбежали бы, да и плевать на царя! Какой он там вообще царь для нас? Мы — народ свободный, язычный. Одна голова над нами — божья. И мне плевать на народ по другую сторону Хребта, их право, как морочить себе голову.

Вот почему родители так легко отпустили ее и даже не пытаются искать! И меня замуж сейчас отдадут под видом Христианы, чтобы нажиться на нас обеих! Как я раньше не догадалась? Мать постоянно лишала меня еды, мол, веду се-

бя плохо… Да они просто жалели даже крошки для меня! Отец все время уходил от разговоров о Кащее, перестал пускать меня на молитвы Святовиту, они с матерью стали запирать меня дома, прикрываясь тем, что я пропащая и взбалмошная, ненормальная… Все было спланировано! Христиану *продали* во дворец.

Предатели. И меня скоро сплавят, да так, что не выбраться мне будет больше из лап супостатов.

Я молча встаю, отталкиваясь рукой от земли и, обойдя корову, ложусь на нее сверху, перекинув руки на другую сторону. Всех нас пугали сказкой о девушке, привязавшей себя к корове перед свадьбой, чтобы та проскакала с ней до конца мира да унесла ее во владения Богов, в безмятежность. Миша скептически усмехается, и я отворачиваюсь от него, прикрыв глаза.

— А если она не побежит с тобой к святым, пойдешь топиться? Мавкой али русалкой желаете стать, Ваше Несчастие? — слышу хруст под своими ногами, а опосля мужские руки на талии — Миша отрывает меня от коровки, и я хватаюсь за него. Парень легко поднимает меня на руки, подхватывая под коленками, и я держусь за его шею.

— Под водой только подводье, я ныряла, знаю — нет там никаких русалок, Миша. Ты все в сказки веришь. — Опираюсь о его плечи руками и смотрю в глаза, моя коса щекочет ему шею. — Уходи отсюда. Я соберу вещи и сбегу. Пойду сестру искать. Всяко кто-то у Хребта бродит днем и ночью,

вынюхивает, как перебраться смертному. Найду способ.

— Варь… — Я отворачиваюсь, чтобы не дышать на него, потому что борща с чесночными пампушками наелась. — Давай вместе, а? Если так не люба тебе твоя семья и судьба, отправляйся со мной.

— Куда мне? Женка твоя что ли позволит? Куда я там? — Миша широко улыбается, но меня это не утешает. – Настоящий друг ты, Мишка… Но одна я должна отправиться в это путешествие. У тебя семья, у тебя своя жизнь, да и что мне делать в твоем доме? Все равно за сестрой отправлюсь — днем позже или раньше.

— Ну и где ты это навыдумывала? Нет у меня никакой жены. Не поняла еще?

Я хмурюсь и отпускаю руки. Он спускает меня на землю, мои руки тянутся к кончику заплетенных волос.

— А чего ты меня все это время за нос водил? Сказал бы сразу, что свободен, я бы к тебе на шаг не подошла!

Парень снисходительно смотрит на меня, покачивая головой с улыбкой. Может, я и шучу, может, и нет, но призрачный образ жены за спиной Миши позволял мне дружить с ним без обязательств. А теперь-то что? Неужели все это время между нами… И как же я теперь…?

— У меня и не было никого. Я один по жизни. Ты можешь сестренкой стать, раз от семьи своей отрекаешься. Хочешь? Магией серьезно обучаться начнешь, я препятствовать не стану. — Его проникновенный взгляд с искрящими-

ся всплесками и брызгами озерной воды в сердцевине дубовых радужек вынуждают засмотреться. — И сестру твою спасем. Вместе отправимся в чужеземье. Отыщем Христиану да подле друг друга станем жить, я смогу о вас позаботиться.

Мои щеки опаляет солнечный жар, мыслями переношусь в полуденное летнее поле, отдающее от земли паром. Колосья режут обожженную кожу, а мысли туманятся среди колышущихся веточек. Мои родители всегда казались мне странными, они все запрещали, не давали мне свободы, однако так у всех — и тумаки, и ругань. Но Христиану-то они любили? Как они могли отправить ее на растерзание царю? Что вообще за монстр правит нашей землей и где все Боги, которые должны остановить его? Обиделись, что ль, на нас? Народ по ту сторону гор забыл о них, царя на трон не богами избранного посадил править. Но на то мы и люди, чтобы были не одни. А они нас оставили.

— Мне нужно подумать… — Я невольно растягиваю губы в обессиленной улыбке, она ощущается, как разбитое стекло под ногами, — Ты правда… в смысле… Миш, это же всего лишь я? Мы познакомились год назад, а ты готов так меня выручить. У меня ничего нет.

Парень растягивается в кривоватой улыбке и цыкает, мол: «Ну вот такой я».

— Ты меня приютишь? И сестру мою? — Он кивает, и я сажусь на колени, начиная ковыряться в сене под копытами коровы.

Миша придерживает ее рукой, чтобы она не шагнула на меня, почувствовав шевеление под ногами. Собираю ровные огрызки от тонких листов бересты, они все разрисованы с лицевой стороны, а на рубашках карт написаны значения. Я сама их придумала. Христиана называла предметы, которые ей нравились, а я угадывала значения. Тут даже наша Остолопка есть. Ее карта попадается мне последней, на ней наглая рогатая морда. Под ней написано слово РЕВНОСТЬ. Нам с надписями Геня помог, он верил в мою магию и часто приходил просить совета.

Миша берет в руки собранную колоду и рассматривает картинки, они мелькают перед нашими глазами одна за другой — дуб, цветок, вилы, кость, рыба…

— Что мне сделать? — спрашиваю. Миша смотрит на меня, думая, что вопрос адресован к нему, но я обращаюсь к картам. Те сложены в стопку. Он передает их мне в руки. — Умереть, отправиться с Мишей или самой уйти за сестрой? — Мужчина заметно напрягается в лице, и руки его сжимаются. Я перевожу взгляд на него и замечаю, что мне лишь показалось: лицо по-прежнему улыбчивое и расслабленное.

Кошка.

— Карта говорит, что мне надо отправится одной. — Сама слышу, как голос осиплый, ухает вниз.

Миша забирает карты из моих рук и перемешивает их.

— Нет, второй раз я не буду. Они уже дали ответ.

— Какая дорога приведет Варю к счастью? — Я смотрю

ему в глаза, не наблюдая за тем, что он делает с картами, и нам выпадает свеча. — Казенный дом, уют и обретение семьи.

Усмешка слетает с губ, и я убегаю из сарая прежде, чем Миша успевает меня остановить. Остолопка протяжно мычит. Друг распахивает двери сарая. Я вижу, как и он, и корова высунулись проследить за мной. Бросаю на них последний взгляд и прячусь в доме, где меня ждет семья жениха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.